Национальный бестселлер Британии

что скрывает правда

Кара Хантер

Кара Хантер
Что скрывает правда
Серия «Инспектор Адам Фаули», книга 5
Серия «Национальный бестселлер Британии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69757039
Что скрывает правда: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-192743-1

Аннотация

Бестселлер Sunday Times.

Двухметровый студент-регбист обвиняет женщину-профессора в изнасиловании.

Команда детектива Фаули сталкивается с самым неоднозначным делом в своей практике. Профессор, изнасиловавший студента. Казалось бы, что здесь не так? На этот раз абсолютно все, ведь студент – Калеб Морган, двухметровый спортсмен-регбист, а профессор – Марина Фишер, звезда вычислительных технологий, «лицо» университета, одна из немногих женщин на техническом направлении. И она

полностью отрицает обвинения Калеба. А значит – один из них лжет.

В то время, как каждый из фигурантов настаивает на своей версии событий, Адам Фаули прилагает все усилия, чтобы выяснить правду, но не замечает угрозы, нависшей над ним самим и его беременной женой. Не замечает, что кто-то следит за ними, подбираясь все ближе и ближе. Чтобы уничтожить Фаули. Навсегда…

Идеальный захватывающий триллер для поклонников Клэр Дуглас и Лайзы Джуэлл. В мире продано более 1 000 000 книг этого автора.

«Эта книга заставляет грызть ногти. Она великолепна». – Джон Маррс

«Придает процессуальному формату полиции новый оттенок». – Financial Times

«Мастер-класс по хитростям, обману и современному криминальному писательству». – Джо Спейн

«Королева жанра». – Джейн Кейси

«Книги про Фаули – лучший криминальный сериал, написанный на данный момент». – Араминта Холл

«Приготовьтесь к тому, что не сможете оторваться». – Джей Пи Делейни

«Абсолютный мастер-класс по написанию детективов». – Саймон Лелич

Содержание

Ранее… в материалах о Фаули 7
Пролог 14
Конец ознакомительного фрагмента. 152

Кара Хантер
Что скрывает правда

Посвящается Джудит, необыкновенной женщине

Cara Hunter
THE WHOLE TRUTH
(DI Adam Fawley series #5) © Shinleopard Ltd, 2021.
This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd.
and The Van Lear Agency

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Ранее… в материалах о Фаули

Это пятая книга в серии о Фаули, так что, если вы читаете ее первой, вам пригодится краткое резюме об основных членах команды, чтобы вы могли сразу войти в курс дела. И начнем, естественно, с самого главного человека…

Имя	**детектив-инспектор Адам Фаули**
Возраст	46
Семейное положение	Женат на Алекс, ей 44 года. Она юрист, работает в Оксфорде
Особенности характера	Склонен к самоанализу, наблюдателен и умен, внешне жизнерадостен, внутри более сдержан. Не переживает из-за того, что Алекс зарабатывает больше него или что она выше него, когда надевает туфли на высоких каблуках. Хорош в нестандартном мышлении и плох в офисных интригах. Умеет сострадать и беспристрастен, однако у него есть не только положительные стороны: он бывает нетерпелив и у него вспыльчивый характер. Вырос на мрачных окраинах Северного Лондона, а потом был усыновлен; правда, узнал об этом случайно — и по сей день его родители больше не обсуждают эту тему. Не смотрит детективы по телевизору (с него достаточно преступлений на работе); он слушает «Оазис», и Баха, и «Рокси мьюзик» (Алекс однажды сказала ему, что он похож на Брайана Ферри, на что Адам ответил: «Хорошо бы»); если б он завел домашнего

Особенности характера	питомца, то это была бы кошка (но он так и не завел); его любимое вино «Мерло», а кухню он предпочитает испанскую (хотя ест слишком много пиццы); и — сюрприз, сюрприз — его любимый цвет синий

Имя	**детектив-сержант Крис Гислингхэм** (недавно получил повышение, до этого служил в звании детектива-констебля)
Возраст	42
Семейное положение	Женат на Джанет
Дети	Билли, почти 2 года
Особенности характера	Веселый, с хорошим чувством юмора, трудолюбивый, порядочный. Ярый болельщик «Челси». «Всегда характеризуется как «крепкий» и «солидный», но не потому, что сильно прибавил в талии. Любому убойному отделу нужен вот такой Гислингхэм, и если б кто-то тонул, ему оставалось бы только молиться о том, чтобы на том конце веревки был Гис»

Имя	**детектив-констебль Гарет Куинн** (недавно, после связи с подозреваемой, понижен из звания детектива-сержанта)
Возраст	36
Семейное положение	Не надейтесь
Особенности характера	Задиристый, амбициозный, привлекательный. Фаули описывает его как «крутой костюм и тупая бритва». «Куинн воспринимает должность детектива-сер-

Имя	**детектив-констебль Верити Эверетт**
Возраст	33
Семейное положение	Не замужем. Но есть кот (Гектор)
Особенности характера	Покладистая в личном плане, безжалостная в профессиональном. Ей не хватает уверенности в своих способностях (о чем Фаули прекрасно знает). «Пусть она и выглядит так же, как, должно быть, выглядела мисс Марпл в тридцать пять, но в той же степени упорна. Как постоянно говорит Гис, Эв в прошлой жизни точно была ищейкой»

Имя	**детектив-констебль Эрика Сомер**
Возраст	29
Семейное положение	Не замужем. Недавно начала встречаться с детективом-инспектором Джайлсом Сомаресом из полиции Хэмпшира
Особенности характера	Прежде чем поступить в полицию (в первой книге она полицейский констебль), окончила факультет английского языка и работала учительницей. Ее фамилия — анаграмма от «Морс» — мой поклон величайшему детективу Оксфорда! «Я вижу, что мужчины недооценивают ее, потому что она привлекательна и носит форму, и я вижу, что она замечает это и использует в своих интересах»

Имя	**детектив-констебль Эндрю Бакстер**
Возраст	38
Семейное положение	Женат, детей нет
Особенности характера	Флегматичен, но надежен. Хорошо разбирается в компьютерах, поэтому на него часто взваливают именно этот вид работы. «Солидный мужчина в костюме, который ему чуть-чуть мал. Кое-где на рубашке оторваны пуговицы. Редеющие волосы, одышка. Он на полпути к повышенному кровяному давлению. Выглядит на сорок, хотя на самом деле ему лет на пять меньше»

Имя	**детектив-констебль Энтони Асанти**
Возраст	32
Семейное положение	Холост
Особенности характера	Выпускник ускоренных курсов подготовки офицеров полиции, он новичок в команде, его недавно перевели из полиции Лондона. У него очень обеспеченные родители, отец в прошлом работал дипломатом в посольстве Ганы. Фаули описывает его как «старательного, умного, практически идеального сотрудника. Делает то, о чем просят, и проявляет инициативу, когда это требуется. И все же в нем есть нечто такое, что ставит меня в тупик. Каждый раз, когда я думаю, что разобрался в нем, он умудряется подставить меня»

Среди других членов команды убойного отдела – Алан Чэллоу, Нина Мукерджи и Клайв Конвей, а также Колин Бодди, патологоанатом, и Брайан Гоу, профайлер.

Пролог

Итак, ты знаешь, что делать?

Да, приступаю.

Ты точно хочешь этого?

Черт побери, у тебя есть идея получше?

Просто спрашиваю. Если что-то пойдет не так…

Не пойдет. Если сделаешь так, как сказано.

Ладно, ладно. Понятно.

Я же не просто так спрашиваю.

Люди типа Ф — они думают, им все сойдет с рук. Им плевать на других.

Пора отплатить той же монетой.

Я согласен, только эта-то монета покрупнее, чем их.

Сильно крупнее.

Только так можно не допустить повторения.

Ты ведь понимаешь, да?

Да, понимаю.

Ты получишь свое отмщение.

Я уже говорила тебе. Это не месть.

Это торжество справедливости.

* * *

Адам Фаули

7 июля 2018 года
13:15

– Кому еще шампанского? Пап, ты как? Ты не за рулем, так что никаких отговорок.

Стивен Шелдон улыбается дочери, нависшей над ним сзади:

– Ну давай. В том, что я такой древний, есть один положительный момент: мне можно наплевать на чертовы правительственные правила употребления алкоголя.

Жена бросает на него строгий, но доброжелательный взгляд: оба знают, что он должен беречь свое здоровье, но сегодня его день рождения, и она дает ему некоторую поблажку.

Нелл Хенеган наклоняется и наполняет его бокал.

– Семьдесят, папа, это не старость. Во всяком случае, в наше время.

– Скажи это моим суставам, – со смешком говорит Стивен, пока Нелл обходит стол, подливая гостям.

Я нахожу под столом руку Алекс и чувствую через тонкую ткань платья ее вспотевшее бедро. Один бог знает, каково это – быть на тридцать пятой неделе беременности при такой жаре. Ее верхняя губа покрыта капельками пота, между бровями залегла крохотная морщинка, которая, вероятно, не видна остальным. Я был прав: для нее это стало тяжелым испытанием. Я говорил, что мы не обязаны ничего устраивать – никто от нее ничего не ждет, особенно по такой погоде, но

Алекс настояла. Она сказала, что теперь наша очередь и что будет нечестно просить сестру взваливать на себя организацию праздника два года подряд. Только вот главная причина не в этом. Мы оба это знаем. По мере увеличения срока беременности мир Алекс сжимается: сейчас она практически не выходит из дома, а про двадцатимильную поездку до Эбингдона можно забыть. Я сказал Нелл, что Алекс переживает за ребенка, и та ответила, что тоже так чувствовала себя во время беременности и ничего противоестественного в переживаниях Алекс нет. И она права. Или была бы права, если б дело было только в этом.

…За пределами сада дети Нелл играют в футбол со своей собакой, по очереди забивая пенальти. Им одиннадцать и девять, ее детям. Сейчас Джейку было бы двенадцать. Уже не ребенок, но еще и не взрослый. Иногда, до того, как Алекс снова забеременела, я ловил себя на том, что фантазировал, как бы они общались: он и его двоюродные братья. Джейка никогда особо не интересовал спорт, но стал бы он играть с ними, если бы сейчас был здесь? Часть меня надеется, что играл бы – из вежливости, или чтобы угодить своей маме, или потому, что ему нравятся собаки. Но есть и другая часть меня, которой хочется, чтобы он был таким же угрюмым и упрямым, как все двенадцатилетние. Я на собственном горьком опыте убедился, что слишком легко превозносить ребенка, которого больше нет.

Мы переглядываемся с Одри Шелдон. Ее взгляд добр, мой

слегка застенчив. Родители Алекс лучше прочих понимают, через что мы прошли, когда потеряли Джейка, но сочувствие Одри напоминает ее лимонный чизкейк – все замечательно, только я переел его. Я встаю и начинаю собирать тарелки. Джерри, муж Нелл, делает нерешительную попытку помочь, но я дружески хлопаю его по плечу и силой усаживаю на стул.

– Ты привез еду. Теперь моя очередь.

Алекс благодарно улыбается, когда я забираю ее десертную тарелку. В течение последних десяти минут ее отец мягко подтрунивает над ней, уговаривая есть побольше. Кое-что в родителях не умирает никогда. Моя мать делает то же самое. В течение следующих двадцати лет я буду делать то же самое. С Божьей помощью.

…На кухне Нелл закладывает посуду в посудомойку. Она делает это неправильно, но я преодолеваю желание вмешаться, так как знаю, что это взбесит ее. Алекс говорит, что с посудомоечными машинами та же история, что и с барбекю, – мужчины не могут удержаться от того, чтобы не ворваться в процесс. Нелл улыбается, когда видит меня. Она мне нравится, всегда нравилась. Такая же умная, как ее сестра, и такая же прямолинейная. Они хорошо живут, она и Джерри. Дом (особняк), катание на лыжах (Валь д'Изер[1]), собака (предположительно кокер, но если судить по размеру лап, то это как минимум четверть белого медведя). Он актуарий[2] (Джерри,

---

[1] *Валь д'Изер* – горнолыжный курорт во Франции.

[2] *Актуарий* – специалист в области актуарных расчетов, экономики и финан-

а не собака), и, если честно, с динозавром гораздо интереснее, но я никогда никому об этом не говорил.

Нелл смотрит на меня, и я точно знаю, что означает этот взгляд. Она хочет «перемолвиться словечком». И сразу приступает к делу – такова уж Нелл. Как и ее сестра.

– Адам, я немного беспокоюсь за нее. Она неважно выглядит.

Делаю глубокий вздох:

– Я знаю, о чем ты. От этой чертовой жары только хуже. Но Алекс регулярно проходит обследования. Гораздо чаще, чем большинство женщин в ее положении.

Однако большинство женщин в ее положении не госпитализируют с высоким давлением, и от них не требуют, чтобы они соблюдали постельный режим.

Нелл берет кухонное полотенце и вытирает руки.

– Она почти ничего не ела.

– Я стараюсь, честное слово…

– И выглядит совершенно вымотанной.

Нелл хмуро смотрит на меня. Поскольку, что бы ни случилось, виноват я, ведь так? В саду Бен забивает гол и бежит, нарезая круги и размахивая над головой футболкой. Взгляд Нелл на секунду переключается на детей и снова замирает на мне.

Я делаю новую попытку:

– Она плохо спит – ты же знаешь, каково ей на последнем

сов.

триместре. Она никак не может найти комфортную позу.

Нелл продолжает хмуриться. Никки вопит, что гол забит нечестно. Джерри встает и призывает своих сыновей играть правильно тем самым назидательным родительским тоном, который мы клянемся никогда не использовать. Это еще один аспект, присущий родителям, – кажется, он не исчезает никогда.

– Послушай, у меня напряженка с работой, но я изо всех сил стараюсь больше бывать дома, и еще к нам раз в неделю приходит домработница.

Нелл наблюдает за своими мальчишками:

– Мы тут с ней говорили. Алекс сказала, что ты перебрался в свободную комнату.

Я киваю:

– Чтобы не будить ее. Особенно если учесть, что теперь я встаю чертовски рано четыре дня в неделю ради проклятой тренажерки.

Она поворачивается ко мне:

– Курить все еще тянет?

Взгляд, сопровождающий этот вопрос, холодный, но не недобрый: Нелл тоже бывший курильщик. Она все знает о стратегии вытеснения никотина.

Пытаюсь улыбнуться, но улыбка получается кривой.

– Дико. Но у меня получается.

Она оглядывает меня с ног до головы:

– И ты немного подтянулся… Тебе идет.

– Ну, это можно считать чудом, если учесть, что я съедаю за час упаковку ментоловых «Поло».

Пауза, и она наконец улыбается. Но улыбка выходит жалкой.

– Просто береги мою сестру, ладно, Адам? Она в диком стрессе – ребенок слишком много значит для нее. Не знаю, что она будет делать, если…

– Послушай, Нелл, я бы никогда не допустил, чтобы с Алекс что-то случилось. Ни сейчас, ни вообще. Ведь ты знаешь это, да?

Нелл поднимает голову, потом кивает. Я жду. Я знаю, что именно она хочет сказать и почему ей так сложно это сделать.

– В газетах писали, – наконец говорит она. – Его выпускают, да? Гэвина Пэрри.

– Да, выпускают, – вынуждаю ее посмотреть на меня. – Но его выпускают временно, по специальному разрешению. Будут строгие ограничения. В том, куда он может пойти и с кем видеться.

Ее губы слегка кривятся.

– И у него будет что-то типа метки, верно? Они будут знать, где он, двадцать четыре часа в сутки?

– В большинстве своем они не настолько техничны. Пока. Метка привязана к адресу преступника. Если он выходит за переделы установленного радиуса, мониторинговая служба получает оповещение.

– И, как сказал Джерри, если он хотя бы приблизится сюда, его тут же запихнут в тюрьму, он и пикнуть не успеет. Верно?

Я глубоко вздыхаю:

– Верно.

– Тогда зачем бы ему так сильно рисковать? – Ей очень хочется, чтобы я согласился с ней, чтобы преуменьшил ее страхи. – Он же не дурак. Ему есть что терять. Многое.

– Верно.

Она вздыхает:

– Прости. Ты, наверное, думаешь, что я слишком бурно реагирую. Просто не могу не думать обо всех тех угрозах, что он произносил в суде…

Едва ли Нелл знает, как трудно быть тем, кого она хочет во мне видеть. Но я стараюсь.

– Он просто давал выход своей злобе. Так бывает постоянно. И я не считаю, что ты реагируешь слишком бурно. Семьи всегда беспокоятся, когда преступника выпускают. Другие жертвы будут переживать не меньше.

– У Алекс хотя бы есть ты, – говорит Нелл с несмелой улыбкой. – Ее личный охранник.

Я плохо представляю, как ответить на это, но, к счастью, надобность отвечать отпадает. Нелл ласково дотрагивается до моей руки, а потом забирает стопку тарелок.

– Давай-ка займемся делом, а то они будут гадать, почему мы тут застряли.

…Когда я иду в столовую, то спрашиваю себя, что бы она сказала, если б знала правду.

Гэвин Пэрри не дурак, в этом она права. И ему действительно есть что терять, причем многое – на этот счет она тоже права. Однако у него есть причина. Причина, ради которой – возможно – стоит пойти на риск.

Месть.

Потому что он не просто давал выход злости в тот день, в суде.

Он виновен. Он знает это, и я знаю. Но есть и еще кое-что, что знаем мы оба.

Гэвин Пэрри был осужден на основании лжи.

* * *

«**Дейли-мейл**»
21 декабря 1999 года

ПРИДОРОЖНЫЙ НАСИЛЬНИК ПОЛУЧАЕТ ПОЖИЗНЕННЫЙ СРОК

Судья назвал Гэвина Пэрри «порочным, нераскаявшимся извращенцем»

Автор: Джон Смитсон

Вчера хищник, которого окрестили Придорожным Насильником, после процесса, продолжавшегося девять недель в суде Олд-Бейли, был приговорен к пожизненному заключению. Судья Питер Хили объявил Пэрри «порочным, нераскаявшимся извращенцем» и посоветовал назначить ему наказание сроком минимум пятнадцать лет. После оглашения приговора в зале суда поднялся ропот; родственники Пэрри, находившиеся на местах для публики, высказывали оскорбления в адрес судьи и присяжных заседателей.

Пэрри до конца настаивал на том, что он невиновен в изнасиловании и попытке изнасилования семи молодых женщин в окрестностях Оксфорда, совершенных в промежуток времени с января по декабрь 1998 года. Дело основывалось на уликах, найденных в гараже Пэрри и связавших его с одной из жертв; по утверждениям Пэрри, эти улики были подброшены по наущению полиции долины Темзы. Когда его выводили из зала, он угрожал расправиться с полицейским, сыгравшим ключевую роль в его задержании, и выкрикивал, что «достанет его», что тот и его близкие «до конца жизни будут озираться в страхе». Означенный офицер, детектив-инспектор Адам Фаули, получил благодарность от главного констебля.

Выступая с заявлением после оглашения вердикта, старший суперинтендант полиции долины Темзы Майкл Освальд сказал, что убежден в том, что осужден

был именно тот, кто совершил данные преступления, и подтвердил, что в ходе расследования, в котором были задействованы правоохранительные органы всего графства, не было выявлено ни одного другого подозреваемого. «Я горжусь работой, проделанной моей командой. Наши ребята приложили все силы к тому, чтобы найти виновного в этих гнусных преступлениях и передать его в руки правосудия, поэтому абсолютно недопустимо, чтобы им приходилось выслушивать подобные угрозы и оскорбления. Сотрудники полиции постоянно рискуют жизнью, защищая общество, и вы можете быть уверены в том, что мы предпримем все необходимые шаги для обеспечения безопасности их самих и их семей».

Выйдя из зала после оглашения приговора, Дженнифер Годдард, мать той из жертв, что покончила с собой после пережитого, в разговоре с журналистами сказала, что ничто не вернет ее дочь, но теперь она может надеяться, что ее дочь упокоится с миром: «Человек, разрушивший ее жизнь, наконец-то получил по заслугам и дорого заплатит за свои злодеяния».

* * *

В отделении полиции Сент-Олдейт сержант Пол Вудз проводит день в дежурке, и это его совсем не радует. В последнее время он несет службу на непыльном посту, но дежурный офицер из гражданских в отпуске, а у констебля, заме-

няющего ее, пищевое отравление, и Вудз вытянул короткую спичку. А вместе со спичкой – и дикое раздражение. Здесь чертовски жарко. По телевизору говорили, что сегодня температура может подняться до тридцати. До тридцати градусов! Проклятая невезуха, вот что это. Он уже открыл дверь на улицу, но оттуда в помещение затекают лишь выхлопные газы. И заходит больше людей. Добрая половина из них просто хочет немного отдохнуть от солнца – никогда еще стенд с листовками не вызывал столько интереса, это уж точно. Раньше кармашки заполняли раз в несколько недель, а сегодня вдруг закончились все листовки «Как защитить свой дом от воров» и «На что следует обратить внимание при покупках через интернет». Вот и сейчас у стенда топчется группка людей – наверняка туристы, и в основном китайцы.

Вудз поднимает взгляд на часы. Еще двадцать минут до того момента, когда он сможет сделать перерыв. Туристы у стенда с листовками оживленно переговариваются. Одна женщина указывает в сторону Вудза; похоже, она набирается храбрости, чтобы подойти и заговорить. Сержант выпрямляется и расправляет плечи, демонстрируя полноту власти. При шести футах[3] и двух дюймах[4] и при шестнадцати стоунах[5] он выглядит вполне авторитетно. Нет, он вовсе не намерен отбить у нее охоту к общению – просто знает, что на

---

[3] 1 фут = 0,4 кг.

[4] 1 дюйм = 2,54 см.

[5] 1 стоун = 6,3 кг.

все эти вопросы почти всегда может ответить любая сносная карта. За последние годы ему до смерти надоело выступать в роли неофициального путеводителя.

Он спасен – так уж получилось – звонком. Именно в тот момент, когда китаянка начинает двигаться к его столу, звонит телефон. Это оператор с коммутатора, тоже гражданская, Марджори какая-то. Должно быть, она тоже вытащила короткую спичку.

– Сержант Вудз, примите звонок, пожалуйста. Я пробовала убойный отдел, но там никого. Это из Эдит Ланселев.

Вудз берет ручку и тут же раздражается: он никогда не знал, как правильно писать это чертово название. В какую голову забрела идиотская идея назвать колледж в честь кого-то, чье имя никто не может правильно написать?

– Ладно. Соединяй.

Он выставляет руку в сторону китайской туристки таким властным жестом, как будто на проводе сам главный констебль.

– Это сержант Вудз? Говорит Дженис Эпплби из колледжа Эдит Ланселев.

У нее такой тон, что собеседнику сразу хочется вытянуться в струнку.

– Чем я могу вам помочь, мисс Эпплби?

– С вами хочет побеседовать профессор Хилари Рейнольдс.

Она говорит так, будто даже самые мелкие сошки вроде

Вудза наверняка слышали это имя. И Вудз, кстати, его слышал, но сейчас даже под дулом пистолета не вспомнил бы когда…

– Директор, – сухо говорит она, – если вы не забыли. Пожалуйста, оставайтесь на линии.

А вот это точно ставит в тупик. Директор, черт побери? Что такого важного у них случилось, если звонит сам директор? И вообще, что она делает на работе в выходной?

Линия со щелчком оживает.

– Сержант Вудз?

Он ожидал услышать женский голос, поэтому пропускает первые слова, пока соображает, что имя Хилари может носить и мужчина.

– Прошу прощения, сэр, вы могли бы повторить?

– Я сказал, что, боюсь, вынужден сообщить об инциденте, связанном со студентом колледжа.

Вудз прищуривается: слово «инцидент» может обозначать множество прегрешений – от тех, что со смертельным исходом, до самых обыденных.

– Какой конкретно инцидент, сэр?

В ответ раздается вздох культурного, хорошо образованного, но слегка возмущенного человека.

– Серьезный инцидент, сэр. Боюсь, это все, что я готов вам сообщить на данном этапе. Вы могли бы соединить меня с детективом-инспектором Фаули?

* * *

В Боарс-Хилл тоже жарко, однако здесь жара кажется терпимее. Без сомнения, этому способствует высота, но свою немалую лепту вносят тридцатифутовый плавательный бассейн и хорошо укомплектованный бар при нем. Бассейн и бар – обычное явление на высоте, только здесь они являют собой высоту иного рода. Зная адрес, не надо быть штатным сотрудником уголовного розыска, чтобы методом дедукции дойти до понимания того, *что* это за дом, однако Гарет Куинн все же был немало потрясен, когда увидел, что находится за коваными воротами, которые тихо распахиваются, чтобы пропустить его «Ауди», вымытую специально для этого случая. Добрый акр[6] лужаек (тоже приведенных в порядок специально для этого случая, только, по идее, он не должен об этом знать), партерный цветник, апельсиновые деревья и россыпь того, что риелторы, вероятно, называют «полезными надворными постройками», которые задвинуты вглубь, чтобы не служить фоном резному неопалладианскому[7] столбу и не нарушать перспективу «*Такого Вида*». К сожалению, от щетины строительных кранов никуда не деться, но во всех остальных аспектах шпили дремлют на мерцающей жаре так

---

[6] 1 акр = 0,004 кв. км.

[7] *Неопалладианство* – одно из течений раннего классицизма.

же, как когда их увидел Мэттью Арнольд[8].

…Когда Куинн познакомился с Мейзи, он не представлял, насколько круты ее родители. На первый взгляд она была одной из многих девчонок с «конским» хвостом и французским маникюром, с мягкой улыбкой и четким выговором. «Авокадо», вот как он их называет: спелые, податливые и зеленые. Хотя в данном случае не совсем зеленая, Мейз была готова лечь с ним в постель на первом же свидании, и за беспрецедентно долгий срок в почти десять дней, предшествовавший этому событию, он понял, что в ней есть гораздо больше, чем в ее однотипных предшественницах. Она заставляла его смеяться, умела слушать, однако не облегчала ему жизнь, и Куинн даже поймал себя на том, что вынужден четко формулировать, почему верит в то, чем занимается, причем некоторые аргументы удивили даже его. Еще он понял – и это тоже было беспрецедентным, – что она *на самом деле* нравится ему не только в постели, но и вне ее. Вот поэтому, даже несмотря на его чуть ли не аллергическую реакцию на идею познакомиться с родителями девушки, он не только приехал сюда, но и продолжает находиться здесь сверх того времени, после которого они с Мейзи договорились уехать. Говядина была на редкость вкусной, вино тоже, а Тед и Ирен Ингрэм оказались совсем не тем, что написано на этикетке. Да, у них много денег, однако они не стесняются это показывать. Мужчины целых полчаса обсуждали

---

[8] *Мэттью Арнольд* (1822–1888) – английский поэт и культуролог.

«медвежью западню» Брексита, прежде чем Ингрэм проговорился, на чьей он стороне, и после этого они бросились в объятия друг друга с облегчением угнетенных приверженцев. В Оксфорде, во всяком случае, таковыми совершенно точно являются сторонники «Выйти»[9], которые не решаются называть свое имя.

…В общем, Куинн вовсю наслаждается жизнью. К тому моменту, когда звонит телефон, хитрый чертенок у него в голове нашептывает, что Мейзи – единственный ребенок Ингрэмов и что если родственники неизбежны, то это двое не такой уж плохой вариант. На столе стоит бутылка «Сотерна» девяносто шестого года и коробка гаванских сигар, а сам он уже отдал Мейзи ключи от своей машины. Что, как ясно говорит выражение на ее лице, тоже беспрецедентно. Она смотрит на него, пока звонит мобильник: эта мелодия установлена для рабочих звонков.

Достав телефон, Куинн окидывает взглядом присутствующих и покаянно улыбается.

– Прошу прощения… они бы не звонили, если б это не было так важно.

Ингрэм отмахивается, принимая извинения:

– Конечно. Мейзи говорила, что такое бывает. Я все отлично понимаю. У тебя важная работа.

Ирен Ингрэм изящным жестом отодвигает стул. Мейзи тоже встает. Они принимаются убирать тарелки, а Куинн вы-

---

[9] Имеется в виду выход Великобритании из Европейского союза 31.01.2020.

ходит в сад. Возможно, он делает это для того, чтобы поймать более сильный сигнал, но, с другой стороны, вероятно, он предпочел бы, чтобы отец Мейзи не слышал, как он разговаривает с коллегами, будучи в своем нынешнем звании.

– Детектив-констебль Куинн.

– Говорит Вудз.

Куинн слышит на заднем фоне звуки улицы – должно быть, Вудз стоит у стола дежурного. Он приносит формальные извинения за то, что испортил Куинну субботу, но по его тону ясно, что раз у него вообще нет выходных, так зачем выходные убойному отделу.

– Только что поступил звонок от директора Эдит Ланселев, просили соединить с Фаули.

– А чем им плох дежурный инспектор?

– Пытался выяснить. Не получилось. Сожалею.

– Ясно, значит…

Вудз перебивает его:

– Я уже звонил сержанту Гислингхэму, но мне сказали, что его не будет до среды…

Куинн игнорирует снайперский выстрел. Он уже привык ко всем не таким уж завуалированным укусам по поводу своего понижения в должности. Он мог бы добиться перевода, но, решив не делать этого, понял, что цена будет высоченной. Естественно, самые смелые остряки получали огромное удовольствие именно от этой фразы. Винить в случившемся он мог только самого себя: он допустил, чтобы его член управ-

лял головой, и связался с подозреваемой. Ему еще повезло, что не уволили. Но он им покажет – и вернет свои нашивки. Это вопрос времени. В сущности – кто знает? – этот звонок может стать блестящей возможностью. Раз Гис в отъезде, у него есть отличный шанс показать класс.

– Не переживай, – беспечным тоном говорит он. – В чем дело? Что удалось узнать?

К тому моменту, когда Вудз заканчивает доклад, возможность выглядит не просто блестящей, а сияет, как бриллиант в двадцать четыре карата, только Теду Ингрэму знать об этом не надо. Для него это сверхважное мегасекретное дело об убийстве, требующее внимания перспективного офицера, предназначенного для великих свершений. Для человека, шепчет чертенок, которого Ингрэм с радостью примет в зятья. Куинн расправляет плечи, вскидывает голову и идет по траве к бассейну.

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
14:35

Я меньше всего ожидаю звонка от Куинна. Сегодня тот у родителей своей девушки – он долго распространялся о том, как ему это безразлично, однако мне это указало на обратное. Впрочем, в этом весь Куинн. Он замещает Гиса, пока тот

в отъезде. На настоящий момент у нас ничего важного – во всяком случае, ничего такого, ради чего нужно звонить в выходные. Я даже думал, что Куинн будет рад шансу полетать в одиночку, хотя я ясно дал понять, что это просто неофициальная «замена», а не официальное «исполнение обязанностей».

Когда он звонит, мы все в столовой. День движется к сумеркам, хотя отец Алекс все еще весел – таким словоохотливым я не видел его много лет. Стивен мне всегда нравился. Это аномалия в отношениях с родней со стороны жены: они такого же возраста, что и твои родители, и может получиться, что ты будешь знать их почти столько же, сколько своих родителей, но, если тебе повезет – а мне повезло, – они прикроют тебе спину, однако не станут давить. Правда, они могут и не давить просто потому, что не знают, где расположены самые опасные кнопки.

Алекс бросает на меня тревожный взгляд, но ничего не говорит. Одну руку она положила на живот, а другой теребит салфетку. Она устала. Мне надо как-то половчее устроить так, чтобы гости поскорее разошлись.

Выйдя на патио, принимаю звонок:

– Куинн? В чем дело?

– Извините, что беспокою, босс. Я встречаюсь с Эв у Эдит Ланселев. У них инцидент с участием студента.

Я хмурюсь – я знаю, что сейчас Куинн сверхосторожен, чтобы не напортачить, но разве ради этого надо звонить мне?

Однако вспоминаю, что большинство студентов уже разъехались на лето, так что едва ли это последствия шумной студенческой тусовки с переизбытком блевотины.

– Что у нас есть?

– Пока не знаю.

– Тогда зачем…

– Директор просил лично вас. Его зовут Хилари Рейнольдс. Ну, где-нибудь ёкнуло?

Ёкнуло, но отзвук давний. Конференция пару лет назад?

– Я поискал его в «Гугле», – говорит Куинн, – он какой-то крутой юрист по правам человека.

Я был прав – та самая конференция…

– Его только что назначили в ту парламентскую консультативную группу по пожизненному заключению. Ну, вы знаете, в ту группу, где сидит Боб О'Дуайер.

Этого достаточно: Роберт О'Дуайер – главный констебль. Но спасибо Куинну, что выяснил это, а не налетел на меня с новостью, как Одинокий рейнджер[10].

– Ясно. Мне нужно отвезти домой родственников жены. Я буду примерно через час.

* * *

Колледж Эдит Ланселев – ЭЛ для студентов – располо-

---

[10] *Одинокий рейнджер* – главный персонаж культового американского супергеройского вестерна.

жен на четырнадцати акрах парковой территории, простирающейся между улицами Банбери и Вудсток. Недалеко от центра города, если судить с точки зрения обычной географии, но по отношению к микровселенной, которой является Оксфордский университет, это, по сути, Монголия. Колледж формировался более тридцати лет, однако был основан как образовательное учреждение для молодых женщин в Викторианскую эпоху одной старой девой, которая просто не принимала «нет» в качестве ответа, и назван в честь патронессы стоявшего поблизости женского монастыря Годстоу. Патронесса жила в двенадцатом веке и была такой же энергичной и несговорчивой, как и викторианская старая дева. За более чем сто лет в ЭЛ накопился впечатляющий список выпускников, включающий несколько поколений женщин, которые обладали точно таким же упорством и стойкостью. Среди них была и мать детектива-констебля Асанти, но знать об этом Куинну было не положено. Сейчас эта дама управляет компанией из списка FTSE-100[11]; правда, количество выпускниц, занимающихся тем же самым, можно пересчитать по пальцам одной руки. Удаленность ЭЛ от центра города с его искушениями являлась преимуществом в глазах бескомпромиссной основательницы, в наши дни это недостаток. Когда в университете проводят дни открытых дверей, руководству колледжа приходится рисовать мелом стрелки на тротуаре, чтобы заманить старшеклассников так далеко

[11] Лондонский биржевой индекс.

на север. С другой стороны, у колледжа есть одно неоспоримое преимущество: здесь почти всегда можно припарковаться. Мейзи находит место прямо напротив проходной и выключает двигатель. Куинн несколько мгновений сидит неподвижно, глядя на ворота.

– Одна девочка с моего курса в Берли-Эбби училась здесь.

Куинн поворачивает голову:

– Да?

Мейзи кивает:

– Она говорила, что здесь все нормально, только не чувствуется, что это Оксфорд. В том смысле, что там парни и все такое, а здесь все как в школе-интернате для девочек.

Куинн опять смотрит на колледж. У главного входа стоит группа молодежи. Они держат в руках папки и бутылки с водой, на шеях у них висят карточки с именами, так что это наверняка ученики летней школы, а не студенты. В любом случае выглядят они радостными. Улыбаются, с уверенностью смотрят в будущее. Группа идеально сбалансирована по расе и полу. С ними получился бы отличный снимок для брошюры с рекламой колледжа.

– Мне подождать, когда приедут твои коллеги?

Куинн снова поворачивается к ней:

– Не, не надо. Эв живет всего в десяти минутах отсюда. Меня удивляет, что ее еще здесь нет. – Он открывает дверцу. – Увидимся в квартире. Если зависну тут надолго, я тебе позвоню.

– Ладно, до встречи.

Мейзи заводит двигатель и стартует, с визгом покрышек поворачивая на развязку. Куинн улыбается, несмотря на то что ему жаль драгоценные покрышки. У этой девчонки есть яйца: она водит почти так же быстро, как он.

…Он переходит дорогу, а на место, которое только что освободила Мейзи, заезжает «Мини» Эверетт. Куинн предполагал, что она пройдет пешком от своей квартиры в Саммертауне, но, вероятно, была не дома. Он редко видит ее в нерабочее время, поэтому ее наряд вызывает у него удивление. Чем бы там она ни занималась, для этого дела, похоже, требовалась юбка.

– Очень элегантно, – говорит Эверетт, подходя к нему и указывая на слаксы и розовую рубашку. – Надеюсь, ты произвел нужное впечатление.

Куинн мог бы и обидеться, однако решает улыбнуться.

– Убил наповал. Они уже едят у меня с руки.

Она поправляет ремешок сумки на плече:

– Так в чем тут дело?

– Какой-то «инцидент». Так как это работа не для экстренной помощи, я предполагаю, что никто не умер. Вудз говорит, что звонил сам директор. Отказался что-либо уточнять и твердил, что хочет говорить с Фаули.

– Значит, что-то серьезное.

Куинн кивает:

– Босс уже едет. Нам с тобой остается только гадать.

У Эв есть кое-какие предположения, но она решает пока попридержать их.

Куинн заходит в проходную, Эв ждет снаружи. Ему не надо, чтобы она держала его за руку, особенно если он позиционирует себя в качестве детектива-сержанта, замещающего высокое начальство. К этому моменту группа у ворот рассеялась и двор пуст. На тротуаре рассыпаны блестки и конфетти – остатки от выпускного. Эв чувствует жар асфальта через тонкие сандалии.

– В общем, так, – говорит Куинн, возвращаясь. – Они сказали, что кабинет Рейнольдса на втором этаже. Направо по коридору и вверх по лестнице. Нас встретит его личный помощник.

* * *

Внутри на удивление прохладно, но что-то в паркете и в звуке шагов наводит Эв на мысль о дезинфицирующем средстве и обязательных хоккейных клюшках. Коридор наверху намного просторнее, и в нем уже маячит личный помощник. Вид у нее слегка раздраженный. У Эв складывается впечатление, что эта женщина точно, до секунды, знает, за какое время они должны были пройти расстояние и что они безнадежно опаздывают.

– У профессора Рейнольдса важный звонок; присядьте, пожалуйста, он скоро освободится.

Личный помощник возвращается к своему письменному столу. Стулья для посетителей выглядят так же, как те, что стоят в ИВС, и это непривлекательное зрелище. Что до Куинна, то он, кажется, не может стоять спокойно – следующие пять минут разглядывает фотографии педсостава в рамках. Наконец на столе у личного помощника пищит интерком, и женщина встает.

– Прошу сюда.

…Кабинет производит впечатление – во всяком случае, своими размерами. Стеновые панели, окна, выходящие в сад, снова фотографии в рамках, на этот раз предыдущих директоров. Все они женщины. В отличие от человека, идущего им навстречу с протянутой рукой.

– Я Хилари Рейнольдс, а вы, должно быть, детектив-сержант Куинн?

Эв видит, как Куинн открывает рот, чтобы ответить, но Рейнольдс уже движется дальше.

– Детектив-констебль Эверетт? Прошу, присаживайтесь.

– Итак, – говорит Куинн после секундного молчания, – вы хотели нас видеть.

Рейнольдс хмурится:

– Вам не кажется, что нам стоило бы подождать детектива-инспектора Фаули?

Куинн едва заметно ерзает на стуле:

– Он сказал, чтобы начинали без него. Сегодня выходной; вы же сами знаете, какое сейчас движение, туристы…

Рейнольдс садится и складывает перед собой руки домиком.

– Вся ситуация чрезвычайно деликатная.

Куинн кивает:

– Мы понимаем, сэр, но пока не узнаем, в чем дело…

Эв косится на него, затем переводит взгляд на Рейнольдса.

– Если это поможет, я прошла обучение по борьбе с сексуальными преступлениями.

Рейнольдс поворачивается к ней. Ничего не говорит, но по его лицу она видит, что попала в цель.

Он откашливается:

– Да, детектив-констебль Эверетт, вы правильно угадали. Проблема действительно такого рода.

Эверетт достает свою записную книжку. Пусть Куинн играет роль взрослого дяди, но кто-то же должен выполнять тяжелую работу.

– Возможно, я смогу записать какие-то детали? Как я понимаю, никто не нуждается в срочной медицинской помощи?

Рейнольдс быстро и резко мотает головой.

– Нет, ничего такого.

Куинн на своем стуле сдвигается чуть-чуть вперед; он явно чувствует, что надо перехватить инициативу.

– Вам, как руководителю колледжа, была подана официальная жалоба?

Рейнольдс кивает:

– Соответствующее внутреннее разбирательство будет обязательно запущено, как того требуют университетские правила, но я решил, что обстоятельства дают право на немедленное обращение к гражданским властям.

Звучит так обтекаемо, будто эту фразу «копипейстнули» из учебника по политике равенства и разнообразия. Рейнольдс старается прикрыть свой зад, это точно.

– Ясно, – говорит Куинн. – Возможно, вы все же ознакомите нас с «проблемой» так, как понимаете ее вы. Вы сказали моему коллеге в Сент-Олдейте, что дело касается кого-то из ваших студентов, так?

Рейнольдс принимается теребить что-то на столе.

– Студента последнего курса. Он один из лучших. Был переведен сюда из Кардиффа в начале осеннего триместра. – Директор смотрит на Эв и указывает на ее записи. – Другими словами, в октябре.

«Вот уж спасибочки, – думает она. – И правда, откуда отребью вроде меня знать такое?»

– А кто еще причастен?

Рейнольдс мрачнеет:

– Боюсь, другая сторона – один из профессорско-преподавательского состава колледжа.

Это не вызывает удивления. У Эв точно нет, причем не только потому, что она проходила обучение по борьбе с сексуальными преступлениями.

– Ясно, – говорит Куинн, который вот-вот потеряет тер-

пение, если они продолжат ходить вокруг да около. – Возможно, было бы проще, если б мы напрямую поговорили с причастными сторонами?

* * *

– Тебе подлить еще вина?

Эрика Сомер поднимает голову, щурясь на яркое солнце. Она сидит на террасе дома Джайлса Сомареса. Три рыбацких домика, прилепившись друг к другу, образуют длинное приземистое строение с побеленными стенами, отполированными каменными полами и окнами, выходящими на Саутгемптон-Уотер. В доме прохладно и легко дышится, но здесь, снаружи, солнце палит нещадно. Хорошо хоть, что поднялся легкий ветерок; в устье реки, среди танкеров, идущих к нефтеперерабатывающему заводу, под напором ветра клонятся четыре или пять маленьких яхточек. Сомер никогда не ходила под парусом и никогда не мечтала об этом, но у нее вдруг возникает настоятельное желание оказаться там, в открытом море, самой по себе. Чтобы не было никого, о ком стоило бы думать, кому надо было бы отвечать на вопросы. Просто быть в полной власти течения и яркого голубого воздуха. Это всего лишь мгновенный порыв, и вслед за ним приходит укол раскаяния. Она должна бы быть благодарной за то, что находится здесь – в этом замечательном доме, с Джайлсом, который вложил столько усилий в эти выходные

и не портит их ей, каждые пять минут рассказывая о своих «подвигах», как это сделали бы другие парни. Он купил ее любимое вино, расставил цветы в спальне, повесил свежие полотенца в душе. День был прекрасный, а потом был замечательный обед. В буквальном смысле. Рассыпчатый белый сыр, золотистая, посыпанная розмарином и солью фокачча, спелый инжир, прошутто, кубики темно-оранжевого желе из айвы – стол просто просился на фото для #foodporn[12].

Эрика качает головой: ее бокал, в который Джайлс подлил вина более получаса назад, почти полон.

Он сдвигает очки на лоб, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Все в порядке?

Она быстро кивает, тянется за бокалом.

– Да, все отлично; просто чувствовала себя немного не в своей тарелке, вот и все.

Он садится рядом с ней:

– Мы не обязаны сегодня никуда идти, если тебе не хочется. Но в прошлый раз, когда мы были здесь, ты сказала…

– Нет, – перебивает Эрика. – Я хочу пойти. Пожалуйста, перестань суетиться.

Она отводит взгляд, смотрит на воду, на чаек, на качающиеся лодки. На что угодно, лишь бы не видеть боль и недоумение в его глазах.

---

[12] Идеализированное изображение еды.

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
15:17

Хилари Рейнольдс – не первое должностное лицо, с которым мне приходится сталкиваться по работе. Директора, ректоры, начальники… подчиненные им учреждения могут различаться, но они все приобрели идеальный лоск; ту самоуверенность, которая приходит с обедами за отдельным столом в студенческой столовой, с полностью укомплектованным штатом обслуги и с огромными возможностями поступать по-своему. Рейнольдс ничем не отличается; во всяком случае, на первый взгляд. Мне хватает мгновения, чтобы понять, как много тревоги скопилось в этом помещении. И кто ее излучает.

Он в дальнем углу, привалился к оконной скамье. Ему, вероятно, двадцать два – двадцать три года; бледная кожа, рыжеватые волосы, обесцвеченные на концах. На одном предплечье темная татуировка: что-то остроконечное и зловещее, как венецианская маска. Он выше меня и шире в плечах. У него фигура спортсмена; я бы сказал, что он играет в регби, если б меня спросили.

– Инспектор Фаули, – говорил Рейнольдс, легонько кашляя. – Я благодарен, что вы смогли присоединиться к нам.

Это Калеб Морган. Он с математического факультета, работает над алгеброй линейно сжатых объектов для крупномасштабного машинного обучения.

Снисходительно и неинформативно; я вынужден отдать должное Рейнольдсу – что касается несущественной информации, у него это получилось мастерски.

Вероятно, Куинн чувствует мое раздражение, потому что быстро вступает в разговор:

– Поступило заявление о сексуальном насилии, босс.

Я удивленно смотрю на него. В какие игры он играет, черт побери? Это работа полиции сто один[13] – сначала собираются факты, и только потом начинается общение с преступником. Я имею в виду, *все* факты.

– Что тут происходит? Тебе не кажется, что следует сначала поговорить с жертвой?

Куинн краснеет:

– Кажется, он и есть жертва.

Я поворачиваюсь и смотрю на Моргана. Взгляд его бледно-голубых глаз прикован к моему лицу, и я чувствую, как тоже краснею. Приглядевшись, вижу багрово-красную отметину на его шее. И пусть это идет вразрез со всеми вызубренными правилами, со всем, что нам вдалбливают в последнее время, но я не могу не думать… этот парень ростом шесть

---

[13] 101 – единый номер полиции, не относящийся к экстренным службам, в Великобритании, который автоматически соединяет вызывающего абонента с местной полицией.

футов и два дюйма, с мощной конституцией защитника наверняка мог бы и защитить себя…

– Итак, – говорит Рейнольдс, глядя сначала на Куинна, потом на меня, – теперь, когда мы все выяснили, вы, я полагаю, захотите побеседовать с профессором Фишер?

Эв бросает на меня быстрый взгляд:

– Профессор Фишер – руководитель мистера Моргана…

Рейнольдс обрывает ее.

– Я бы, конечно, предпочел, чтобы вы проводили беседу вне территории колледжа, особенно если учесть, что инцидент имел место не здесь. Профессор Фишер проживает по адресу Монмут-хаус, Сент-Люк-стрит, – говорит он, откидываясь на спинку кресла. – Сегодня суббота, так что вы наверняка застанете ее дома.

Ее?

Обидчик Моргана – женщина?

* * *

Алекс Фаули прощается со своей сестрой. На то, чтобы запихнуть в машину собаку и мальчишек – причем собаку запихивать было проще, – ушло полчаса. Джерри уже сидит за рулем, и ему не терпится выехать до того, как кто-то из сыновей решит в третий раз сбегать в туалет.

Нелл обнимает сестру и крепко прижимает к себе.

– Ты ведь скажешь, если тебе что-нибудь понадобится, да?

– Со мной все хорошо, честное слово. Адам просто прелесть.

Нелл отстраняется:

– Ты в том смысле, когда не рвется на работу в свой выходной?

– Он не виноват. Работа такая.

Нелл морщится:

– Ты мне не рассказывай… я знаю его почти столько же, сколько ты.

На улице раздается громкий стук – парочка скейтбордистов, пользуясь уклоном дороги, пытается на скорости опробовать какие-то трюки. Нелл видит, что сестра вздрагивает, но всячески хочет скрыть это.

– Это же просто мальчишки, которые слоняются без дела, а у тебя самая настоящая паранойя. Этот тип – Пэрри, – его просто не подпустят к тебе. Ты же знаешь это, правда?

Алекс выдавливает из себя улыбку:

– Это все нервы.

Из машины высовывается Джерри:

– Ты идешь?

Нелл быстрым движением сжимает руку сестры.

– Помни о том, что я сказала, ладно? Если тебе что-то понадобится – в смысле что угодно, – сразу звони мне.

Алекс кивает, и Нелл садится в машину. Алекс еще некоторое время стоит на месте, обхватив себя руками. Скейт-

бордисты продолжают кататься, делая флипы и спины[14] на спуске, но Алекс на них не смотрит. Она смотрит за них, сквозь них, на белый минивэн, припаркованный чуть дальше по улице. На водительском месте сидит мужчина в бейсболке, натянутой на глаза.

Не важно, сколько раз ей говорили, что Гэвин Пэрри окажется за много миль от нее, что его будут строго контролировать с помощью электронного браслета, она все равно видит его на каждом углу, в каждом минивэне, в каждом затененном и полуприкрытом лице.

Потому что он знает. И однажды – возможно, не сегодня, возможно, не на этой неделе, или не в этом месяце, или не в этом году, – но все равно однажды найдет ее и заставит заплатить за то, что она сделала.

На улице тридцатиградусная жара. Алекс вдруг зябко ежится, ее кожу покрывает холодный пот.

* * *

[14] Элементы скейтбординга.

Восстановление справедливости, s3: Придорожный Насильник освобожден?

5 июля 2018

S3 Ep1: Пролог / 25:20

Восстановление справедливости: Придорожный Насильник освобожден? Эпизод 1. Гэвин Парри отсидел более 18 лет за серию жестоких сексуальных преступлений, которых, как он всегда утверждал, он не совершал. В этом подкасте Джослин Найсмит из «Всей правды» заново изучает дело и пытается найти ответы на некоторые волнующие всех вопросы, которые так и остаются неразрешенными. Было ли первоначальное расследование проведено халтурно? Действительно ли одна из жертв вступила в сговор с полицией, предоставив важнейшие улики? Возможно ли, что настоящий преступник все еще на свободе?

[АЙВИ ПЭРРИ]

«Привет, Гэв, это мама. Хотела, чтобы ты знал: я получила твое сообщение насчет слушаний. Мы тут все болеем за тебя, мальчик мой, а Джослин со своей командой изо всех сил старается помочь тебе. Увидимся на следующей неделе».

[ЗВУК ОКОНЧАНИЯ ТЕЛЕФОННОГО СОЕДИНЕНИЯ]

[ДЖОСЛИН]

Меня зовут Джослин Найсмит, и я тот самый человек, о котором идет речь в этой аудиозаписи. Голос, что вы слышали, принадлежит миссис Айви Пэрри. Айви семьдесят шесть лет, она живет в Ковентри, и вы только что слышали голосовое сообщение, оставленное ею своему сыну. Она не могла

позвонить ему напрямую, потому что он находился в тюрьме, в «Уондзворте»[15], если быть точнее. Отбывал пожизненное заключение за преступление, которого, как он всегда утверждал, не совершал.

Аудиозапись была сделана в апреле две тысячи восемнадцатого года, незадолго до того, как Гэвин Пэрри предстал перед комиссией по условно-досрочному освобождению. Благодаря работе, проделанной моей командой, и при поддержке адвоката Гэвина долгая битва за справедливость была наконец-то выиграна, и в мае этого года он вновь оказался на свободе.

В этой серии подкастов рассказывается история Гэвина. Как он был осужден, что «Всей правде» удалось выяснить о том, как было проведено расследование, и почему мы считаем, что истинный преступник все еще на свободе.

Я Джослин Найсмит, и я являюсь сооснователем «Всей правды», некоммерческой организации, которая борется за предотвращение ошибок в судопроизводстве. Это «Восстановление справедливости, серия 3: Придорожный Насильник освобожден?».

Глава первая: Пролог

[15] Самая большая тюрьма Лондона.

[МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕМА – КАВЕР-ВЕРСИЯ ААРОНА НЕВИЛЛА «Я ОБРЕТУ СВОБОДУ» (БОБ ДИЛАН)]

В одинокой толпе со мною стоит
Человек, что клянется, что он невиновен.
Я слышу, как он постоянно кричит,
Утверждая, что его осудили обманом.
Я вижу яркий свет,
Он льется с запада к востоку.
Еще чуть-чуть, еще чуть-чуть,
И я обрету свободу.

[ДЖОСЛИН]

Боб Дилан написал эту песню в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, в год рождения Гэвина Пэрри. Он был вторым из троих братьев Пэрри, между старшим Нилом и младшим Робертом (которого в семье звали Бобби). Его мать подрабатывала укладчицей товара в местном супермаркете, а отец, Вернон, работал на заводе на окраине Оксфорда, в Коули, – в те времена там находился автозавод «Бритиш Лейланд». Семья жила в маленьком блокированном таунхаусе рядом с Коули-роуд, и трое мальчишек ходили сначала в местную начальную школу, а потом в среднюю школу «Темпл-Грин».

Кен Уорин был классным руководителем Гэвина, когда

мальчик поступил в «Темпл-Грин».

[КЕН УОРИНГ]

Он был немного сорвиголова, от этого никуда не деться. Постоянно участвовал в потасовках. Но я никогда не считал его плохим. У него были сложности с чтением, но, оглядываясь назад, подозреваю, что у него, возможно, была дислексия. Только тогда мы, естественно, не умели оценивать подобные вещи, да и помощи нам получить было неоткуда. Дети вроде него часто превращались в нарушителей дисциплины лишь потому, что у них были проблемы с успеваемостью. Зато он был очень рукастым, я это помню, – всегда получал хорошие оценки по труду, где работали с деревом и металлом. Я предполагал, что он пойдет по стопам отца и будет работать в автопроме. Ведь именно так и поступили большинство наших учеников.

[ДЖОСЛИН]

К тысяча девятьсот восемьдесят четвертому году семья переехала в Манчестер. Вернона Пэрри уволили из Коули, но ему удалось найти работу на заводе по сборке грузовых автомобилей на севере. Этот переезд произошел в неподходящее время для Гэвина, у которого, как мы слышали, были проблемы с учебой. Переход в новый класс стал для него слишком большим испытанием, и летом Гэвин бросил школу, не получив никакого образования.

Следующие два года он менял одну работу за другой: занимался уборкой офисов, водил мини-такси, иногда помогал своему брату Бобби, который к тому времени работал помощником штукатура. Запомните это – позже данный аспект будет очень важен.

Примерно в это время Гэвин познакомился с девушкой, которая впоследствии стала его женой. Сандре Пауэлл было шестнадцать, и на фотографиях в семейном альбоме мы видим типичного жизнерадостного подростка восьмидесятых: широкие плечи, увеличенные подплечниками, открытая улыбка и пышные волосы. На самом деле очень пышные.

[САНДРА]

Знаю-знаю, но в то время мы все делали «перманент». Мне его делала мама дома, на кухне.

[ШЕЛЕСТ ПЕРЕВОРАЧИВАЕМОЙ СТРАНИЦЫ]

Даже не помню, когда я в последний раз смотрела на них. И мне не верится, что я все это носила – взгляните на эти гамаши… о чем мы только думали?

[ДЖОСЛИН]

Это Сандра. Как вы можете определить по ее голосу, в ней

еще что-то осталось от той веселой, дерзкой девчонки, хотя прошедшие годы принесли ей немало потерь. Сейчас она живет в Шотландии под своей девичьей фамилией (позже мы узнаем, почему она отказалась от фамилии мужа), однако продолжает поддерживать контакт с Гэвином и всегда твердо верила в его невиновность. Но мы забегаем вперед. Вернемся в восемьдесят шестой.

[САНДРА]

[ШЕЛЕСТ ПЕРЕВОРАЧИВАЕМОЙ СТРАНИЦЫ]

Ой, а вот эта мне ужасно нравится – на ней мы с Гэвом в Блэкбуле, – там мы провели пару недель после того, как начали встречаться.

[ДЖОСЛИН]

Это очаровательное фото, причем не только потому, что оба едят сахарную вату. С робкой улыбкой на лице и стрижкой маллет[16] Гэвин немного похож на Дэвида Кэссиди[17]. Сандра позирует перед фотоаппаратом и, хотя она на два года младше, выглядит более искушенной и кажется старше. По словам Сандры, эта фотография – точное отражение начала их взаимоотношений.

[САНДРА]

---

[16] Стрижка, когда волосы спереди и по бокам короткие, а сзади – длинные.

[17] *Дэвид Кэссиди* (1950–2017) – американский актер и певец.

Гэвину потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к Манчестеру. Ведь в Коули остались все его друзья, и я думаю, он тосковал по ним. У него не ладились отношения с отцом, поэтому, мне кажется, он чувствовал себя одиноким. Знаю точно: я была его первой настоящей девушкой. В то время у него было мало уверенности в себе – он так долго не решался пригласить меня на свидание, что я стала думать, что неинтересна ему.

[ДЖОСЛИН]

Едва начавшись, их отношения стали развиваться очень быстро. Спустя три месяца Сандра была уже беременна, и к концу того года они стали родителями очаровательной девчушки по имени Дон.

[ДОН МАКЛИН]

Какие мои первые воспоминания о папе? Наверное, как он учит меня кататься на велосипеде; мне тогда было лет шесть.

[ДЖОСЛИН]

Это Дон. Сейчас она квалифицированный косметолог, замужем, имеет двоих детей и живет в Стерлинге.

[ДОН]

На день рождения мне подарили велосипед. Я помню, в тот день лило как из ведра – вы же знаете, что такое Ман-

честер, – но папа мок под дождем, пока я ездила туда-сюда. Правда, он не всегда был такой терпеливый. Помню, он ненавидел иметь дело с документами и заполнять всякие бланки – с местной управой, с соцслужбами или со школой общалась мама. Думаю, папа настороженно относился к людям из подобных организаций. Людям, облеченным властью. Он говорил, что они так и думают, как бы облапошить тебя. И давайте честно признаем, что ведь он был прав, не так ли?

[ДЖОСЛИН]

В следующие десять лет у Сандры и Гэвина родились двое детей. Сандра работала парикмахером, а Гэвин перебивался случайными заработками, так что с деньгами было туго и семья не могла прожить без социальных пособий. Через какое-то время все эти проблемы стали сказываться.

[ДОН]

Когда мне было лет одиннадцать, я уже понимала, что папа мучается. Возможно, это неправильное слово, но я знала, что он несчастлив. Кажется, папа постоянно злился, и, думаю, он уже пил и от этого злился еще больше. И еще он всегда был грустным. Помню, однажды я застала его в спальне в слезах. Тогда я впервые увидела, чтобы мужчина плакал, и это дико испугало меня. Это случилось вскоре после того, как все пошло наперекосяк.

[ДЖОСЛИН]

То было в тысяча девятьсот девяносто седьмом. В тот год второго мая в Манчестере, на Локхарт-авеню, произошло нападение на шестнадцатилетнюю девочку. Ее затащили в кусты, изнасиловали и так и бросили на обочине.

Через три дня, вечером, Сандре позвонили.

Звонил Гэвин. Он находился в штаб-квартире полиции Большого Манчестера. Он был арестован.

За изнасилование.

[НА ЗАДНЕМ ФОНЕ «Я БОРОЛСЯ С ЗАКОНОМ, И ЗАКОН ПОБЕДИЛ» – В ОРИГИНАЛЕ «КЛЭШ»]

Я Джослин Найсмит, и это «Восстановление справедливости». Слушайте другие подкасты «Всей правды» на «Спотифай» или на любых других сервисах.

[ПЛАВНОЕ ЗАТИХАНИЕ]

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года

15:49

– Итак, предлагаю вам проехать с нами. Мы запишем беседу на видео и возьмем образцы, которые могут понадобиться прокурорской службе, если дело дойдет до суда.

Предложение исходит от Эв. И излагает она его чертовски здорово. Возможно, это специальная подготовка, однако ей удается оставаться абсолютно равнодушной к столь чудовищному повороту событий. В отличие от меня. Даже Куинн, кажется, смирился, хотя у него для этого было больше времени. Эв спокойно записывает детали для отчета о первоначальных следственных действиях и рассказывает Моргану, чего ожидать в Центре консультативной помощи изнасилованным и за какой помощью он может обратиться и какую поддержку получить. В конце всего этого, когда она говорит, что он, если пожелает, может заявить, чтобы в полиции в качестве контактного лица ему назначили офицера-мужчину, меня совсем не удивляют его слова о том, что он хочет иметь дело только с ней.

За последние полчаса я почти ничего не говорил, а к Рейнольдсу вообще не обращался и надеялся, что так будет и дальше. Но когда мы все встаем, он откашливается в своей характерной манере.

– Инспектор, вы могли бы ненадолго задержаться?

Эв бросает на меня вопросительный взгляд, я же просто киваю:

– Идите. Я позвоню позже, чтобы узнать новости.

Вероятно, Рейнольдс нажал на какие-то кнопки на своем письменном столе, потому что дверь открывается и появляется его личный помощник с подносом в руках. А может, она просто подслушивала наш разговор по интеркому, что, если честно, меня не удивило бы.

Куинн алчно смотрит на чай – нам не предложили даже воды, – но угощение не предназначено для таких, как он. Серебряный чайник с гербом колледжа, кувшинчик с молоком, сахарница с щипчиками, тарелочка с нарезанным лимоном. И только две чашки.

Когда дверь закрывается, Рейнольдс поворачивается ко мне.

– Есть одна причина, инспектор, почему я хотел бы поговорить с вами. Калеб Морган… все гораздо сложнее, чем может показаться.

Гораздо сложнее? Женщину-профессора обвиняют в сексуальном нападении на мужчину-студента. Гендерная политика, политика университета… На минном поле и то безопаснее, чем здесь. Что еще, черт побери, может тут быть?

Директор опять откашливается:

– Калеб пользуется фамилией своего отца, но его мать – это Петра Ньюсон. Полагаю, вы слышали о ней?

Конечно, я слышал о ней, черт побери. Ужасно воинственный местный депутат, чья программа длиннее, чем мой послужной список. Если Рейнольдс еще не позвонил Бобу О'Дуайеру, то эта проклятая Петра Ньюсон наверняка опе-

редила его.

Я стараюсь говорить ровно:

– Как я понимаю, мисс Ньюсон уже оповещена о том, что случилось?

Рейнольдс медленно кивает:

– Да, думаю, Калеб уже позвонил ей. На эти выходные она уехала в Штаты, но должна вернуться в свой избирательный округ завтра.

Так что, если повезет, у нас будет двадцать четыре часа. Достаточно.

Я глубоко вздыхаю:

– Расскажите мне о профессоре Фишер.

Если Рейнольдс думает, что я меняю тему, он никак это не показывает – наклоняется вперед и принимается разливать чай.

– Марина – один из ведущих специалистов по искусственному интеллекту в нашей стране. Это не моя сфера, – говорит он с тем делано самоуничижительным взглядом, который присущ всем ученым, – но те, кто в курсе, рассказывают, что ее работа поистине новаторская. И излишне говорить, что в наши дни эта сфера находится под пристальным вниманием СМИ.

Говорить-то излишне, но он все равно сказал. Я вспоминаю о том, что несколько недель назад на «Радио четыре» была программа о машинном обучении. Радио бубнило на заднем фоне, пока я готовил, потом меня что-то отвлекло,

и я не дослушал. Если мне не изменяет память, программу вела именно Марина Фишер. Би-би-си предпочла, чтобы подобную тему освещали женским голосом.

– Между нами, – Рейнольдс подает мне лимон, – к ней недавно обратились с предложением читать Рождественские лекции этого года в Королевской ассоциации[18].

Несмотря на все – несмотря на преступление, в котором ее только что обвинили, – он просто не может убрать самодовольство из своего тона. Что ясно дает мне понять, какую ценность, вероятно, эта женщина представляет для колледжа. ЭЛ далеко до таких заведений, как Байллиол или Мертон, но ни один из старых женских колледжей с ним не сравнится. У старых колледжей нет престижа, им не хватает привлекательности. А вот всемирно известный эксперт в такой сексуальной области, как ИИ, – это огромное преимущество. Однако чем больше триумф, тем шире потенциальная ловушка для слона: нет надобности рассказывать, каким лакомым кусочком эта история будет для СМИ.

Если выйдет наружу.

– Вчера вечером состоялся ужин по сбору средств. Его устраивали для самых важных университетских китайских спонсоров. Марина была основным докладчиком. Факультет планирует создать ведущий мировой исследовательский центр по ИИ и первым применить в нем междисциплинарные методологии.

---

[18] Ведущее научное общество Британии.

Из уст Рейнольдса это начинает звучать как предложение на спонсорство, что он, вероятно, понимает, так как слегка краснеет и опять издает свой типичный кашель. Это начинает доставать.

– Все это высококонфиденциально, излишне говорить. Переговоры на очень деликатном этапе.

– Вы там были?

Рейнольдс коротко смеется:

– Нет, инспектор, я там не был. Но слышал, что Марина произвела фурор. Вице-канцлер[19] рассчитывал, что она поведет всех за собой, и, похоже, она более чем справилась. Уверен, нет надобности говорить вам, что на это поставлено очень многое.

Он явно собирается разъяснять мне все в подробностях. Но я понял. И колледж, и университет сделают все возможное и не допустят, чтобы эта женщина потерпела неудачу, тем самым утянув их за собой.

– Мистер Морган сказал, что инцидент произошел в доме профессора Фишер вчера вечером.

Рейнольдс вздергивает брови:

– Да… так он утверждает.

Я обращаю внимание на нюанс, с которым произнесено слово «утверждает», и спрашиваю себя, не пошла ли трещина по фасаду скрупулезной директорской объективности.

– А что Морган там делал? – Рейнольдс хмурится, и я ис-

---

[19] Глава университета.

пользую свое преимущество. – Вы только что говорили, что профессор Фишер была на университетском ужине, поэтому, по всей видимости, домой она вернулась поздно. Так что я хочу спросить еще раз: что мистер Морган делал в ее доме в столь поздний час?

Рейнольдс хмурится еще сильнее:

– Боюсь, я не знаю. Вашим офицерам придется спросить об этом у мистера Моргана, но я не могу назвать ни одной причины, почему он оказался там.

– У профессора Фишер есть привычка приглашать студентов к себе домой?

– Сомневаюсь. Это строго запрещается политикой колледжа, о чем профессор Фишер прекрасно осведомлена. Мы делаем исключения для периодических общественных мероприятий, например на Рождество. Но коллегам категорически запрещено проводить встречи или занятия один на один на дому. Во всяком случае, в нынешние трудные времена, ради их собственной защиты.

Сейчас он выглядит обеспокоенным, как будто до него только что дошло, насколько сильно настораживает история Моргана.

– Кто еще живет в доме профессора Фишер? У нее есть семья?

Он ерзает в кресле, и я слышу скрип кожи.

– Нам, инспектор, необходимо тщательно заботиться о частной информации. Защищать данные и так далее. Вы, на

вашей должности, и сами это прекрасно знаете. Однако всем известно, что Марина живет одна, с сыном.

– Сколько ему?

– Восемь, кажется. Может, уже девять…

Откидываюсь на спинку, чуть-чуть затягивая паузу.

– Вы дали детективу-констеблю Куинну адрес. Многие мечтают жить в этой части города.

Это преуменьшение. Георгианские таунхаусы. Золотистый камень, подъемные окна, балконы с коваными перилами – даже Певзнер[20] был под впечатлением. Во многих сейчас офисы или квартиры, но, судя по адресу, Марина Фишер владеет всеми тремя этажами. Лакомый кусок недвижимости.

Рейнольдс наливает себе чаю. И – что очевидно – тянет время.

– Бывший муж Марины был финансистом, – наконец говорит он, поднимая чашку. – После развода вернулся в Бостон. Думаю, она получила дом в результате раздела имущества. – Он смотрит на свои часы. – А сейчас прошу простить меня, но я пообещал жене, что уже час назад буду дома.

Ага, значит, тут есть нечто, что он обсуждать избегает, причем вовсе не из-за закона о защите персональных данных. Но я продолжаю играть в игру. Пока.

Дверь открывается, и на пороге появляется цербер в ли-

---

[20] Британский историк немецкого происхождения и критик искусства и архитектуры.

це личного помощника. Она горит желанием вывести меня с территории.

– Надеюсь, я могу быть уверенным в том, что вы, инспектор, будете держать меня в курсе? – спрашивает Рейнольдс, когда я встаю. – Все это станет для нас испытанием, не говоря уже о том, что случившееся застало нас врасплох.

– Сделаю все возможное, сэр. Но, не сомневаюсь, вы понимаете, что я смогу рассказать вам не так уж много, – позволяю себе скупо улыбнуться. – Защита данных и все такое. Человек на вашей должности все это прекрасно знает.

* * *

Полиция долины Темзы

ОТЧЕТ О ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Изнасилование и преступления сексуального характера

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ И ЛИЧНОСТЬ ЗАЯВИТЕЛЯ	Профессор Хилари Рейнольдс, директор, колледж Эдит Ланселев, Оксфорд, OX2
ТОЧНОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ (ЕСЛИ ВОЗМОЖНО) И ВРЕМЯ ИНЦИДЕНТА	Монмут-хаус, Сент-Люк-стрит, Оксфорд, OX1 06/07/2018, 11:30 вечера
КЕМ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАЯВИТЕЛЬ: ЖЕРТВОЙ, ТРЕТЬЕЙ СТОРОНОЙ ИЛИ ОЧЕВИДЦЕМ. В КАКОМ КАЧЕСТВЕ ЛИЦО СДЕЛАЛО ЗАЯВЛЕНИЕ	Третья сторона (руководитель колледжа, именно ему было сообщено о преступлении)
ХАРАКТЕР ИНЦИДЕНТА	**Посягательство сексуального характера.** Подозреваемая домогалась жертву, но была отвергнута. Подозреваемая продолжала упорствовать, что привело к физическому контакту, в результате которого жертва получила незначительные царапины и подверглась интимным прикосновениям в области паха

ЛИЧНОСТЬ И МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО ЖЕРТВЫ (ЕСЛИ ИЗВЕСТНО)	**Калеб Оуэн Морган,** род. 09/11/1995. Адрес: кв. 34, общежитие старшекурсников, колледж Эдит Ланселев, OX2
ЛИЧНОСТЬ И МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ЕСЛИ ИЗВЕСТНО)	**Марина Имоджен Фишер,** род. 17/01/1976. Адрес: Монмут-хаус, Сент-Люк-стрит, Оксфорд, OX1
ПОНАДОБИЛОСЬ ЛИ МЕДИЦИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО; ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ НАНЕСЕННЫХ ТРАВМ	Н/Д. Поверхностные царапины
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО	ИК1, пол женский, 42, 5 ф. 6 д., прибл. 150 фунтов
ЗНАКОМ ЛИ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ С ЖЕРТВОЙ, БЫЛИ ЛИ В ПРОШЛОМ СЛУЧАИ НАСИЛИЯ ИЛИ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ЕГО СТОРОНЫ	Нет.
КАКИЕ МЕРЫ БЫЛИ ПРИНЯТЫ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	Жертве было предложено не мыться и оставаться в одежде, которая была на нем в момент инцидента. Местом преступления является местожительство подо-

ИМЕЮТСЯ ЛИ КАКИЕ-ЛИБО ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, КАК ТО: ИНВАЛИДНОСТЬ, НЕЗНАНИЕ ЯЗЫКА, И ТРЕБУЕТСЯ ЛИ ПЕРЕВОДЧИК	Н/Д
ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВЫ ИЛИ ЗАЯВИТЕЛЯ	Жертва была спокойна, четко и связно формулировала фразы, предположительно не находилась под действием наркотических средств или алкоголя
ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЕ МЕСТО КОНТАКТА ВНЕ МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	Н/Д
ЖЕЛАЕТ ЛИ ЗАЯВИТЕЛЬ СОХРАНИТЬ АНОНИМНОСТЬ, ПРИЧИНА ТАКОГО ЖЕЛАНИЯ	Н/Д

ПРИСУТ-СТВУЮЩИЕ ОФИЦЕРЫ:	ДИ А. Фаули ДК Г. Куинн ДК В. Эверетт	ДАТА И ВРЕМЯ	07/07/2018 15:45

* * *

Везти Моргана в Центр консультативной помощи изнасилованным на полицейской машине нельзя, так как это сдвинет с места мельницу слухов, поэтому Эв доезжает до Сент-Олдейта и берет машину уголовного розыска. Это всего лишь «Корса», кондиционер едва справляется, и поэтому тесный салон кажется еще более тесным. Эв неприятно от того, что огромный Морган втиснут на заднее сиденье; он так близко, что она затылком чувствует его дыхание.

Все по большей части молчат. За многие годы Эв уяснила, что в подобных обстоятельствах лучше говорить как можно меньше, даже если у подопечного болтливое настроение. Однако Морган не проявляет желания поговорить. Он просто невидяще таращится в окно на туристов, на семьи, на палатки с мороженым; молчаливый, погруженный в мысли. И выглядит совершенно опустошенным.

* * *

4:15 вечера, суббота

Это опять случилось. Только что. Он был там. Я была наверху, и, когда выглянула в окно, он был там, на улице. Слишком далеко, чтобы можно было разглядеть

лицо. Проклятье, он всегда прячет свое лицо… Просто сидел за рулем. Никто так не делает, во всяком случае никто нормальный. Я тут же пошла вниз, но, когда вышла из дома, он уже уехал.

Я сказала себе, что все это фантазии. Что у меня паранойя, что я реагирую слишком бурно. Что всему этому наверняка есть логическое объяснение – просто какой-то тип без всяких задних мыслей проверяет свой телефон или изучает карту. Но я знаю, что видела.

Господи, даже я понимаю, что все это безумие. Записывая все это, я только так могу не сойти с ума. Я даже не могу поговорить с А., не говоря уже о ком-то еще. Люди тут же станут сочувствовать мне и скажут, что после случившегося мое состояние объяснимо, но я-то вижу, что у них в глазах. И в следующую нашу встречу они опять будут смотреть на меня тем же взглядом…

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
16:35

По дороге на Сент-Люк-стрит я позвонил Энтони Асанти. Он меня опередил, хотя ехать туда всего минут десять. Его новая квартира в полумиле отсюда. Больше никто из команды не может позволить себе жить в этом районе, но я думаю,

всего можно добиться, когда твоя мать благодаря своей работе появляется на обложке «Форбс».

Я паркуюсь. Асанти на другой стороне улицы, стоит, привалившись к стене, и роется в телефоне. Он выбрал такую позицию, чтобы его не было видно из дома, но, если его все же кто-то заметит, на него не обратят особого внимания. В белой футболке и «рэй-банах»[21] его можно принять за кого угодно – туриста, аспиранта, цэрэушника.

Он не настолько глубоко погружен в телефон, как хочет показать: подскакивает к моей машине до того, как я открываю дверцу.

– Добрый день, сэр.

Интересно, переоделся ли он перед выходом – на улице такая жара, что я обливаюсь п*о*том, но Асанти выглядит так, будто только что вышел из прохладного душа. На футболке все еще остались складки после глажки.

Он жестом указывает в сторону дома:

– С тех пор как я приехал, туда никто не входил и оттуда никто не выходил, но окна открыты, так что, думаю, внутри кто-то есть.

– Ты уже в курсе?

– Эверетт переслала мне на почту ОПСД[22]. Только там мало деталей.

---

[21] «*Рэй-Бан*» – культовый бренд солнцезащитных очков и оправ для корректирующей оптики.

[22] Отчет о первоначальных следственных действиях.

– Они с Куинном сейчас везут Моргана в ЦКПИ, так что скоро информации будет больше.

Асанти кивает:

– Ну что, пойдем?

Мы звоним и ждем, потом опять звоним, и дверь наконец открывается, но открывает ее маленький мальчик. Очевидно, сын Марины Фишер. Ему лет восемь-девять. Он невысок для своего возраста. На нем красные шорты и футболка с Винни Пухом, у него мягкие светлые волосы, которые, на мой личный взгляд, нуждаются в стрижке. Он смотрит на нас.

– Кто вы?

Теперь я вижу в глубине коридора женщину. Она стройна и довольно красива, однако держится робко, как будто чужая здесь. Делает шаг, и я замечаю, что у нее в одной руке тряпка для пыли.

Я улыбаюсь мальчику и показываю удостоверение.

– Мы из полиции. И хотели бы переговорить с твоей мамой.

Он мотает головой излишне энергично, как это делают все маленькие дети.

– Ее нет дома.

– Понятно. А ты знаешь, когда она придет?

Он поворачивается к женщине, которая что-то набирает на своем телефоне, а потом протягивает аппарат мне. Это страница «Гугл-переводчика». *Faculdade* – это, вероят-

но, «колледж» по-португальски.

Я растягиваю губы в самой что ни на есть обыденной улыбке:

– В таком случае, думаю, она скоро придет. Вы не против, если мы пройдем и подождем… вас не затруднит?

Женщина колеблется, потом кивает, и мы вслед за ней и за мальчиком поднимаемся на второй этаж. Стены увешаны черно-белыми фотографиями в рамках. Они очень похожи на документальные снимки на Даунинг-стрит, 10, с целой вереницей премьер-министров, поднимающихся по лестнице. Только на этих фото один и тот же человек. Марина Фишер кричит о себе на каждом углу, она кричит о себе на весь мир. На двух портретах она в докторских мантиях (я предполагаю, что одна из них почетная, хотя что я об этом знаю), один сделан на фоне заставки программы «Ньюснайт», еще на одном она, кажется, выступает в клубе «Тед-толк», еще на одном – на сцене с вице-канцлером и Терезой Мей. С каждой новой фотографией ставки повышаются. Причем не только для Марины.

Гостиная находится в самой глубине дома. Высокие окна обрамлены длинными муслиновыми шторами, которые мягко колышутся в раскаленном воздухе. Паркетные полы, бархатные диваны глубокого охряного цвета, на одной из стен огромная картина с кружащимися карпами кои. Изображение почти абстрактное: мерцающие голубой и оранжевый, клубящиеся желтые тона. Вода буквально бурлит. В задней

части комнаты окна выходят на маленький, но безукоризненный садик с элегантно расставленными терракотовыми горшками, в которых цветут кусты. У мальчика наверняка есть игровая, потому что в гостиной нет ни одной игрушки и царит идеальный порядок. Дом, по сути, олицетворяет собой спокойствие, изящество и порядок. И кричит о деньгах. Очень больших деньгах.

Тем временем Асанти продолжает таращиться на картину.

– Ален Хайдз, – говорит он, указывая на подпись. – Я знаю его. Ну, не то чтобы знаю, просто он есть у моих родителей. Они познакомились с ним на Мальорке, у него там студия в той же деревне.

Неожиданно на его лице появляется озадаченное выражение, и он отворачивается, как будто ляпнул что-то лишнее – возможно, о «той же» деревне, что подразумевает наличие в ней дачи его родителей. Подходит к столу под окном и просматривает стопку журналов. Я их тоже заметил. Принимая во внимание обстановку, можно предположить, что это «Дом и сад» или «Красивый дом», но у всех журналов темно-синие обложки и взрослые названия: «Журнал по изучению ИИ» и «Нейронное трансферное обучение для обработки естественного языка».

– Захватывающая тема, вам не кажется? Очевидно, «Айби-эм» считает, что к две тысячи двадцать третьему году они смогут воспроизвести полностью функционирующий человеческий мозг.

– Поверь мне, есть вещи, которые машины никогда не смогут сделать.

Он поднимает голову:

– Это вы так говорите, а технологии развиваются столь быстро, что, по всей видимости, скоро восемьдесят процентов офисной работы будет автоматизировано. Восемьдесят процентов! Не надо будет платить целой армии сотрудников, работающих двадцать четыре на семь, не будет никаких ошибок, никто не станет жаловаться кадровикам. А когда к этому добавится распознавание речи, зрительное восприятие, способность к принятию решений и планированию…

Я изгибаю бровь:

– Угу, верно.

– Нет, серьезно… знаю, все это выглядит тупейшей фантастикой, но машины, которые они разработали, сейчас на самом деле способны учиться… чем больше они делают что-то, тем лучше постигают суть. Дошло до того, что машины даже улучшают изначальные спецификации. Причем не только в очевидных областях, например в производстве… скоро ИИ произведет революцию в разработке новых лекарственных препаратов. А потом и в финансовых услугах, и в здравоохранении, и в образовании…

Тут вдруг до меня доходит, что Асанти читает мне короткую лекцию «ИИ для чайников», причем старается делать это не очень явно. Я не могу определить, благодарен ему или возмущен.

– Но не в работе полиции. Трудно представить, что в скором времени расследование убийства будут проводить роботы.

– Вот тут вы ошибаетесь… – Я бросаю на него сердитый взгляд, и он замолкает. – Извините, сэр. Я не хотел… просто я прочитал очень интересную статью о…

Но мне не суждено узнать о чем. Кто-то входит в дом.

* * *

Центр консультативной помощи изнасилованным расположен на тихой улочке за пределами города. Если не знать, какое учреждение здесь находится, ни за что не догадаешься. Центр не рекламирует себя, при нем есть обязательная парковка и вывеска с логотипом в виде дерева. Его вполне можно принять и за клинику общей практики, и за общественный центр, и за начальную школу. В той же степени это относится и к внутреннему убранству: там есть комната ожидания с креслами, кофе-автомат и игровая. А позади всего этого – коридор с закрытыми дверьми. Где и ведется настоящая работа.

Эв заранее позвонила практикующей медсестре и попросила их встретить. В приемном покое никого, кроме сестры, нет. Эв знакома с ней с обучающего курса, но обе стараются не переусердствовать в радушной встрече друг друга. Главные тут не они.

– Мистер Морган? – говорит медсестра, протягивая руку. – Меня зовут Эйлин Чэннон. Если у вас нет возражений, я осмотрю вас для судебно-медицинской экспертизы. Если вам будет комфортнее, могу пригласить медбрата, но, вероятно, в этом случае вам придется немного подождать, пока мы найдем кого-нибудь – сегодня же выходной.

Морган быстро качает головой:

– Я не хочу ждать.

– Хорошо. Вы хотели бы сначала поговорить с независимым консультантом по вопросам сексуального насилия?

Опять «нет».

– Замечательно. Знаю, как вам нелегко. Вы всегда можете принять другое решение, только известите об этом детектива-констебля Эверетт.

Чэннон профессионально улыбается. Такой улыбки достаточно для простого человеческого общения, и по ней никому не придет в голову решить, будто кому-то тут весело.

– Вам придется заполнить несколько анкет, – говорит она, протягивая планшет. – Сожалею, но без этого не обойтись. Это базовые вопросы, касающиеся вашей медицинской истории, и согласие на обследование. Я вернусь через несколько минут, так что располагайтесь.

Морган уходит в дальний угол комнаты ожидания и садится. На столе рядом с ним коробка с бумажными салфетками и стопка листовок с описанием болезней, передающихся половым путем, и консультационных услуг. Эв отворачивает-

ся, хватает Куинна за руку и тащит его к кофе-автомату.

– Прекрати таращиться, – шипит она. – Лучше от этого не будет.

Куинн краснеет:

– Извини. Я просто никогда раньше этим не занимался.

– Морган тоже. А если он справится, то справишься и ты.

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
16:56

Должно быть, сын сбежал вниз, чтобы встретить ее, – мы слышим, как Марина Фишер говорит с ним, поднимаясь по лестнице. Идеально поданный образ мамаши высшего среднего класса: говорит чуть громче, чем надобно, слушает вполуха. Ее тон убедителен, беззаботен. Беспечен.

– Мама, я хочу показать тебе свои рисунки.

– Замечательно, дорогой, какой ты у меня умница…

Шаги приближаются, твердые каблуки стучат по деревянным ступеням.

– Я хочу показать тебе сейчас! – Тон у него молящий, почти истерический. – Это важно!

– Солнышко… маме сначала нужно сделать кое-какие дела. Тобин, прекрати, я тебе не раз говорила, ты делаешь мне больно.

Они слышат, как он топает.

– Но это нечестно! Я хочу, чтобы ты говорила со мной! Не с ними!

Пауза.

– С кем, дорогой? О чем ты?

Она входит в гостиную, и выражение ее лица меняется.

– Кто вы такие, черт побери?

* * *

– Можете оставить одежду за ширмой. Детектив-констебль Эверетт потом ее соберет. На двери висит халат, и у нас есть футболки и спортивные брюки; вы сможете в них переодеться.

Эв гадает, как часто этому заведению требуется одежда размера XXL, но, в отличие от Куинна, вслух этого не говорит.

Голова Моргана опущена – он понурился, едва они вошли в кабинет. Избегая зрительного контакта, он может воображать, будто на самом деле ничего не происходит.

– Вы хотите, чтобы я разделся полностью? – спрашивает Морган, и яркий румянец заливает его щеки. – И белье снял?

– Боюсь, да, – коротко отвечает Чэннон. – На всякий случай мне нужно убедиться: вы не возражаете против того, что на период обследования детектив-констебль Эверетт будет оставаться в кабинете?

– Нет, пусть. Я хочу побыстрее со всем покончить.

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
16:56

Вид у профессора Фишер внушительный, даже в просторной комнате. Она не очень высокая, но у нее, без сомнения, величественная осанка, и она держится уверенно. В ней достаточно уверенности в себе, чтобы ходить на работу не только в мини-сарафане, но и в соломенной федоре[23] и в гладиаторских сандалиях до икр, от которых Алекс пришла бы в полный восторг. Это резкий контраст с тем решительным профессиональным образом с фотографий на лестнице, но, очевидно, вне публики Фишер предпочитает более легкий, не застегнутый на все пуговицы стиль. Рыжие пряди разбавляют светлую массу стрижки «боб», макияж безупречен даже на такой жаре. Причем настолько, что с того места, где я сижу, ей можно дать не более двадцати пяти.

В ее голосе слышится напряжение, и я считаю, что это объяснимо. Два незнакомца – мужчины – наедине с ее восьмилетним сыном и с уборщицей, которая не говорит по-английски. И мы не в форме.

---

[23] *Федора* – шляпа из мягкого фетра, обвитая один раз широкой лентой; классический мужской фасон.

Я встаю и иду к ней, протягивая удостоверение.

– Детектив-инспектор Адам Фаули. Это детектив-констебль Асанти.

Профессор кладет руку на голову сына, инстинктивно защищая его. Мальчик прячется за ней, прижимается к ее ноге и сует в рот большой палец.

– Та женщина, что работает у вас, она могла бы приглядеть за мальчиком, пока мы поговорим? Так было бы лучше.

Фишер секунду внимательно смотрит на меня, потом кивает.

– Тобин, – наклоняется она к сыну, – иди к Беатрис и попроси, чтобы налила тебе молока.

– Я не хочу молока. Я хочу фанту.

– Хорошо, пусть будет фанта. Но только один раз.

Мы все ждем, когда детские шаги удалятся к лестнице. Затем Марина Фишер поворачивается ко мне:

– А теперь прошу объяснить, что вы тут делаете.

– У нас к вам есть несколько вопросов. По поводу вчерашнего вечера.

Она выглядит озадаченной и растерянной, на ее ярко-красных губах витает призрак улыбки. Как будто все это какая-то ошибка. Как будто потом она будет оживленно рассказывать о ней своим друзьям за стаканчиком тамариндового джина.

– Все это похоже на плохое кино для подростков.

Но мы не смеемся.

* * *

– Вы не меняли одежду и также не мылись с того момента, когда произошел инцидент, так?

По сути, надобности спрашивать нет – в маленьком помещении воняет, и дело не только в жаре.

Морган кивает:

– Я хотел, но Фрейя – моя девушка – сказала, что не надо.

Эв настораживается: Морган впервые упоминает о том, что разговаривал с кем-то еще, кроме Рейнольдса. В подобных случаях любые факты, даже самые мелкие, могут быть очень важными.

– Ваша девушка абсолютно права. Как только мы здесь закончим, можете сходить в душ – он за соседней дверью. Сразу почувствуете себя лучше. Потом можете выпить чашечку чаю, а детектив-констебль Эверетт составит ваш доказательный отчет. Довольно забавный термин для заявления…

– Мы никуда не спешим, – добавляет Эв. – Главное, чтобы вы были готовы.

В комнате снова воцаряется тишина. Чэннон спокойно делает свое дело и тихо разъясняет свои действия, собирая и упаковывая мазки с тела Моргана. С лица, шеи, рук, груди, паха. По старым шрамам можно понять, что он занимался контактным спортом, и Чэннон тщательно отмечает их, однако ищет она шрамы незажившие. Царапины на шее, цара-

пины помельче, в верхней части грудной клетки.

– Это моя команда, – говорит Морган, видя, что Эверетт разглядывает татуировку на предплечье. Смущенно трет руку. – «Скопы».

Чэннон просит его встать, Морган поворачивается вправо, влево, поднимает руки по ее просьбе, покорный, как маленький ребенок. Он старается не падать духом, и все чрезвычайно внимательны и сдержанны, но в то же время ясно, что все это ему чертовски неприятно.

Он на мгновение ловит взгляд Эв и делает кислую мину.

– Надо же, я раньше никогда не понимал, почему женщины так редко заявляют об изнасиловании…

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
17:04

– Марина Фишер, я вынужден арестовать вас по подозрению в сексуальном нападении. Вы не обязаны ничего говорить. Но это нанесет вред вашей защите, если при допросе вы утаите что-то, что потом поможет вам в суде. Все сказанное вами может рассматриваться как улика против вас.

Она мотает головой, пятится от меня.

– Сексуальное нападение? О чем вы говорите? – Ее голос дрожит, она натыкается на диван и тяжело садится. Когда

снова заговаривает, ее дыхание становится прерывистым. – Кто… кто сказал…

– Насколько мне известно, вы знакомы со студентом по имени Калеб Морган?

Она хмурится:

– Калеб? Калеб сказал, что я изнасиловала его?

– Профессор Фишер, было бы полезно, если б этот разговор состоялся в Сент-Олдейте. Где его можно записать.

– В Сент-Олдейте… вы имеет в виду полицейский участок? – Глаза женщины расширяются, и впервые за все время ее охватывает страх.

Я киваю:

– Так будет лучше. Не для нас – для вас.

Она свешивает голову, стараясь овладеть собой, затем кивает:

– Мне нужно позвонить адвокату.

– Конечно. Вы сможете позвонить ему, когда мы приедем туда. Беатрис останется с ребенком или вы хотите, чтобы мы кому-нибудь позвонили?

Она молчит так долго, что я сомневаюсь, что был услышан.

– Профессор Фишер?

Марина поднимает голову, вид у нее испуганный.

– Что? А… да, я попрошу ее.

Асанти делает шаг к ней:

– И нам понадобится одежда, в которой вы были вчера.

Полагаю, сегодня утром вы уже приняли душ?

Профессор пристально смотрит на него:

– Естественно, приняла…

Наверное, она сожалеет о резком ответе – ибо принимается кусать нижнюю губу.

– Извините, я не хотела… просто все это… – тяжело вздыхает. – Да, я приняла душ.

– Нам понадобится ваша одежда. Все, что было на вас вчера. В том числе и нижнее белье.

У нее расширяются глаза.

– Ну, боюсь, все это уже постирано… А мое платье в химчистке.

Я кошусь на Асанти. Тот изгибает бровь, но Марина опережает нас:

– Послушайте, я понимаю, что все это выглядит подозрительно, но я пролила вино на платье, ясно? Вот и все. И заехала в химчистку по пути в колледж. Так было удобнее. Если б я не сделала этого сразу, то забыла бы, а когда достала бы его из шкафа, чтобы надеть к следующей вечеринке, было бы уже поздно.

Возможно, все это так, а возможно, нет; но с этим придется ждать. Я не собираюсь вести разговор здесь.

– Итак, – говорю, – вы могли бы попросить Беатрис? И нашей команде криминалистов понадобится доступ в ваш дом, чтобы собрать данные для криминалистической экспертизы. Детектив-констебль Асанти останется здесь до их приезда.

Марина Фишер на мгновение впивается в меня взглядом и кивает:

– Ладно. Я поговорю с ней.

Кажется, она на грани истерики.

* * *

ОТДЕЛЕНИЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Карта тел

Фамилия, имя: Калеб Морган

Практикующая медсестра: Эйлин Чэнлон

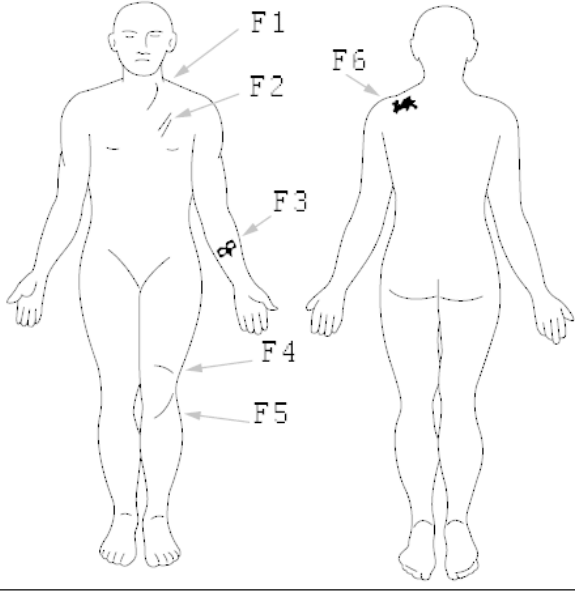
Дата рождения: 9/11/1995

Место обследования: ЦКПИ «Хэум-Оак»

Дата обследования: 7/7/2018

Время обследования: 18:15

Входящий номер: CJG – 1620 / 18



Полученные данные

F1. Царапина (предположительно нанесенная ногтями) прибл. 6x0,25 см.

F2. Две царапины (предположительно нанесенные ногтями) прибл. 5x0,25 см.

F3. Татуировка (черными чернилами) эмблемы рейдерского клуба «Скелы» прибл. 6x6 см.

F4. Зарубцевавшийся шрам (старая травма в ребре) прибл. 5,5x2 см.

F5. Зарубцевавшийся шрам (старая травма в ребре) прибл. 7x1 см.

F6. Татуировка (красными чернилами) валлийского дракона прибл. 10x14 см.

Подпись: Эйлин Чэнлон

Дата: 7/7/2018

Страница: 1/1

ДЛЯ ОГРАНИЧЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ (после заполнения)

* * *

Химчистка находится на Вудсток-роуд, то есть действительно на пути от Сент-Люк-стрит до Эдит Ланселев. Однако в жаркий июльский день у богачей из Северного Оксфорда есть более интересные дела, чем грязное белье, поэтому Асанти совсем не удивлен тем, что в химчистке больше никого нет. Он даже подозревает, что паренек за прилавком надеялся слинять пораньше, если судить по агрессивному взгляду, которым он встречает визитера. Правда, тут же расцветает улыбкой, когда обнаруживает, что посетитель из полиции. Причем не просто из полиции, а из уголовного розыска. Это значительно лучше, чем грязные носки.

Асанти старается изо всех сил, чтобы возвыситься над обыденностью.

– Насколько мне известно, сегодня вы приняли в чистку вечернее платье. – Он сверяется со своим планшетом. – «Длинное красное атласное платье, лиф обшит пайетками, шифоновые рукава». Заказ был сделан на имя Марины Фишер.

Паренек пододвигает к себе регистрационную книгу и листает страницы.

– Да, – говорит он через секунду. – Похоже, вот оно.

– Могу я взглянуть? На платье?

Парень морщится и захлопывает книгу.

– Не-а, прости, старина.

Асанти хмурится; вероятно, чистят они здесь же, в воздухе витает запах химикатов.

– В каком смысле «нет»?

– Она заказала срочную обработку, вот так… а это всего два часа. Уже все почищено.

Асанти вздыхает. Все шансы на судебную экспертизу покоятся с миром. Иногда удача на твоей стороне, иногда – нет.

– И все же могу я его забрать?

Парень качает головой:

– Нет, извини, старина. Я уже все сказал.

Асанти скрежещет зубами:

– Почему, если вы закончили обработку? Послушай, если тебе нужны документы…

Парень ухмыляется:

– Нет, старина, дело не в этом. Платье почистили, да. Но оно не здесь. Машина забрала его час назад.

– Не догоняю.

– Чистим мы здесь, но мелкий ремонт – подол и все такое – делают в другом месте. Как указано в перечне работ, платье надо было починить.

Асанти прищуривается:

– О какой конкретно «починке» ты говоришь?

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
18:43

Я не присутствую, когда эксперт-криминалист берет пробы у Марины Фишер. Жду у кофе-автомата. В коридор выходит Нина Мукерджи. Она совсем не удивлена, когда видит меня.

– Ждешь новостей? – Взяв бумажный стаканчик, подставляет его под кран. – Мы взяли все обычные мазки, но единственное, что удалось разглядеть невооруженным взглядом, – это небольшой синяк на правом запястье.

Я хмурюсь – не помню, чтобы я его видел. А ведь у сарафана рукавов нет…

Но тут меня осеняет. У нее на одном запястье был тяжелый серебряный браслет. Достаточно широкий, чтобы закрыть любое повреждение. И надет он был на правую руку.

– Что она сказала на этот счет? О синяке?

– Утверждает, что, вероятно, нанес ребенок, но не может вспомнить, когда точно это случилось. Если хочешь знать мое мнение, синяк слишком велик для маленького ребенка, но доказать это мы не сможем.

– А он не мог появиться раньше вчерашнего дня?

– Невозможно сказать наверняка. Стоило бы просмотреть

фотографии с ужина и проверить, есть ли там что-нибудь.

– Нашли что-нибудь для анализа ДНК?

Нина изгибает брови:

– Я бы не рассчитывала на это. Я взяла соскобы из-под ногтей, но сомневаюсь, что они что-то нам дадут. Однако ты сказал, что Морган не мылся, так что если на нем есть какие-нибудь отметины и они нанесены ею, тогда у нас отличный шанс доказать это.

– А как она вообще показалась тебе?

Мукерджи размышляет.

– На удивление хорошо владеет собой. Немного нервничала, когда вошла, да и от адвоката, что хлопотал над ней, как наседка, проку было мало, но как только мы приступили к делу, она тут же успокоилась.

– Как я понимаю, она ученый. Ну, из ученой среды.

– Забавно, но именно это она и сказала. Что окружающая среда действует на нее успокаивающе, так как это то, к чему она привыкла.

Мукерджи берет стаканчик:

– Одно точно: она владеет собой лучше, чем большинство в ее положении. Адвокат не мог дождаться, когда уберется из кабинета, а Фишер сочла нужным перед уходом поблагодарить меня. Она сказала, что у меня такая же работа, как у нее: добывать факты. И что факты докажут, что она говорит правду.

* * *

Когда Клайв Конвей приезжает к дому на Сент-Люк-стрит, дверь ему открывает полицейский констебль в форме.

– Привет, Путтергилл. Что, вчера тут кто-то отрывался? На ступеньках осколки стекла…

Вид у Путтергилла непонимающий, потом он высовывает голову наружу, чтобы взглянуть.

– Разве? Я ничего не вижу.

– Это проклятье криминалистов, – со вздохом говорит Конвей. – Каждый кусочек мусора кажется уликой. – В холле он ставит на пол свой чемоданчик и закрывает за собой дверь. – Значит, тебя сюда откомандировали, да?

Путтергилл усмехается:

– Я и так в наряде, а здесь чертовски приятнее, чем в отделении на Коули-роуд. Главное, не воняет капустой.

Коули сухо улыбается. Путтергилл всего полгода назад окончил полицейский колледж. Ничего, научится.

– Кто еще здесь?

Путтергилл кивает:

– Уборщица, смотрит за ребенком. Забавный засранец: взглянул на меня и дунул прочь со всех ног.

Лицо Конвея приобретает сардоническое выражение.

– В следующий раз не корчи рожи и не пугай детей.

Путтергилл смеется:

– Ничего, вот скоро он увидит тебя в скафандре для ядерной войны…

Криминалист чертыхается – в такую жару работать в герметичном комбинезоне!

– В общем, если ты не натолкнулся на труп в оранжерее, то я могу приступать. – Он открывает чемоданчик и надевает маску. – Чем быстрее начну, тем раньше получу пиво.

* * *

Видеозапись допроса Калеба Моргана, состоявшегося в Центре консультативной помощи изнасилованным «Хэум-Оак», Оксфорд

7 июля 2018 года, 6:15 вечера

Присутствуют: ДК В. Эверетт; при наблюдении из соседнего кабинета ДК Куинна

ВЭ: Итак, как я уже говорила, я намерена внести в протокол как можно больше деталей, чтобы у нас сложилась как можно более полная картина. Если получится этого избежать, мы не будем просить вас пройти через это снова, поэтому, пожалуйста, расскажите мне все, что можете вспомнить, ладно?

КМ: Ладно.

ВЭ: Хочу предупредить, что мы записываем наш разговор и, если дело дойдет до суда, эта запись будет представлена

в качестве доказательства. Вам нужно еще что-либо пояснять касательно этого?

КМ: Нет, я понимаю. И я получил листовки и прочее.

ВЭ: Итак, я прошу вас начать с рассказа о том, как вы вчера вечером оказались в доме профессора Фишер.

КМ: Я сидел с ее ребенком. Она была на ужине, поэтому я сидел с Тобином.

ВЭ: Вы и раньше этим занимались?

КМ (кивает): Да, я часто это делал. Деньги студенту не помешают, а Тобин замечательный парнишка. У меня есть брат, он чуть старше него. Ну, по сути, единокровный брат, так что я привык общаться с мальчишками его возраста.

ВЭ: Это обычная практика, что преподаватели используют своих студентов в качестве нянек?

КМ (пожимает плечами): Я не знаю никого, кто этим занимался бы. Но в этом вся Марина – она не их тех, кто придерживается правил.

ВЭ: Значит, вот так вы ее называете?

КМ: Большинство старшекурсников называют своих руководителей по именам – в этом нет ничего особенного.

ВЭ: Как бы вы описали свои отношения?

КМ (поспешно): Это не отношения – ничего такого тут нет.

ВЭ: Я ни на что не намекала. Я просто пытаюсь нарисовать полную картину. Значит, вы не были просто препода-

ватель и студент? Так будет правильно? Если учесть, что она доверяет вам своего ребенка.

КМ: Наверное. На самом деле она феномен. В интеллектуальном плане, я имею в виду. Очень современная. Как я уже сказал, не придерживается правил, ну, в хорошем смысле. Нельзя же ничего не менять и работать по-старому – во всяком случае, в нашей области. Надо рисковать, бросать вызов статус-кво.

ВЭ: Похоже, вы восхищаетесь ею.

КМ (пожимает плечами): Любой, кто работает с ИИ, душу отдал бы за то, чтобы его руководителем была Марина. Я был счастлив до небес, когда узнал. Никогда не думал, что все так закончится.

ВЭ: Но до вчерашнего вечера между вами не было никаких эксцессов? Ваше общение было исключительно профессиональным?

КМ: (Кивает.)

ВЭ: Итак, расскажите мне, что произошло вчера вечером. В котором часу вы прибыли в Монмут-хаус?

КМ: В восемь, в восемь пятнадцать. Примерно в это время.

ВЭ: Вы провели вместе какое-то время?

КМ: Марина уже собиралась уходить, но перед ее уходом мы выпили по стаканчику – она сказала, что это ей нужно для храбрости. На карту было поставлено многое, поэтому, думаю, она немного дергалась.

ВЭ: Что вы пили?

КМ: Я – пиво. Она – белое вино.

ВЭ: В котором часу она вернулась?

КМ: Наверное, в четверть двенадцатого, может, минут в двадцать.

ВЭ: И вы были там, в доме?

КМ: На кухне. Внизу, на первом этаже.

ВЭ: Какая она была… в каком настроении?

КМ: Боже, да она летала. Все говорила и говорила – как все прошло, под каким впечатлением все были… Звучало так, будто она сразила всех наповал.

ВЭ: Она находилась под воздействием алкоголя?

КМ: Ну да… в том смысле, что это был ужин, поэтому она выпила немного. Совсем немного, если хотите знать мое мнение.

ВЭ: Что произошло дальше?

КМ: Она сказала, что надо отпраздновать, и полезла в холодильник за бутылкой шампанского. Попросила меня открыть ее.

ВЭ: И вы открыли?

КМ: Я начал говорить, что пить не буду и что мне надо домой, но она рассмеялась и сказала, что мне обязательно надо выпить. Я спросил, точно ли ей нужно, чтобы я открыл шампанское, ведь сейчас уже так поздно… кажется, я спрашивал, уверена ли она в том, что ей надо добавить – ведь она и так была под хмельком.

ВЭ: Но едва ли вы выразили свою мысль столь же многословно?

КМ: Да, но она же оставалась моим руководителем, так? Как бы то ни было, она сказала, что я должен выпить хотя бы один фужер, потому что она не может праздновать в одиночестве. Потом она сказала, что у нее с пробками беда, и попросила меня открыть бутылку, что я и сделал.

ВЭ: И что было дальше?

КМ: (Молчание.)

ВЭ: Мистер Морган?

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
19:24

Адвокат Фишер – грозный специалист по имени Ниам Кеннеди. Мне и раньше доводилось скрещивать с ней мечи. Стоит она недешево, это точно, особенно в вечер субботы. Премиум-сервис включает доставку полного комплекта одежды – сейчас Фишер как с витрины Кэт Кидстон: цветастое платье, хлопчатобумажный кардиган, балетки. Все это, без сомнения, тщательно подобрано Кеннеди, чтобы ее клиентка ничем не напоминала сексуальную хищницу. Даже волосы собраны в пучок, наверняка с той же целью. Результат

– причудливый отзвук «Алисы в Стране чудес», и это уже начинает действовать мне на нервы. Однако в лице Фишер нет ничего детского. У нее ввалившиеся глаза, выглядит она затравленной. Алиса проснулась и обнаружила, что все это сон. С Фишер такое не случится.

Я сажусь рядом с Асанти, открываю папку и приступаю к обязательной процедуре заполнения анкеты, проставляя галочки. Кеннеди занимается тем же самым, проставляя галочки в списке требований ПАСЕ[24], причем прилагает все силы к тому, чтобы я это заметил. После всего этого мы можем начать.

Я откидываюсь на спинку стула:

– Итак, профессор, теперь вы можете изложить нам свою версию вчерашних событий.

Ответ звучит мгновенно – она ожидала этого:

– Калеб предложил посидеть с моим ребенком, пока я буду на ужине в Байллиоле.

– Предложил или вы его попросили?

Она моргает:

– Ладно, я попросила.

– Он и раньше сидел с вашим ребенком, да?

– Несколько раз.

Она старается не встречаться со мной взглядом: знает, что в этом вопросе идет по тонкому льду. Но у меня есть рыбка пожирнее, поэтому я не трачу время на мелкие нарушения

---

[24] Парламентская ассамблея Совета Европы.

правил колледжа.

– В котором часу вы вернулись с ужина?

Она пожимает плечами:

– В четверть двенадцатого… Примерно в это время.

– Вы пили?

А сейчас она смотрит на меня. На ее щеках два ярких пятна.

– Конечно, пила. Ужин был с восемью переменами. Все пили. Признаю, я выпила больше, чем обычно, но пьяной не была.

– Так что произошло, когда вы вернулись домой?

– Я прошла на кухню. Я слышала, что там Калеб. Он слушал музыку и работал на своем ноутбуке, сидя на кухне за столом. Мы немного поболтали.

– О его исследованиях?

– Нет, совсем нет…

Румянец на ее щеках становится ярче. Я чувствую, как рядом со мной ерзает Асанти. Кеннеди дотрагивается до руки Фишер.

– Все в порядке, можете рассказать.

– Послушайте, – говорит она, – он флиртовал со мной, понятно? Он часто это делает. Это ничего не значит.

– А вы флиртовали с ним? В том смысле, что он же привлекательный мужчина…

Она изумленно смотрит на меня:

– Инспектор, со мной флиртуют многие мужчины, да и

женщины порой тоже. Преподаватели, студенты, административные работники университета; рисковые люди из этих трех категорий и рисковые люди вообще. Все это я не воспринимаю всерьез.

Я медленно киваю:

– Тогда что?

– Он сказал, что нам надо выпить. Чтобы отпраздновать мой так называемый «триумф». – В ее голосе звучит горечь.

– Так называемый? Я думал, вы заполучили жирного спонсора – разве это не повод для празднования? Благодаря Хилари Рейнольдсу у меня сложилось впечатление, что это был подвиг.

Она тихо вздыхает:

– Забавно, сейчас мне уже не кажется, что это был подвиг.

– Но ведь вчера казалось, так? До того, как все случилось?

Профессор откидывается на спинку:

– Именно он сказал, что нужно отпраздновать. Именно он достал шампанское из холодильника. Именно он открыл его. Ясно?

– Значит, вы вместе выпили. Всего по одному бокалу?

Она опять краснеет:

– Думаю, да.

– Думаете? Вы не помните?

– Я помню, что пролила вино – на платье. Помню, как он снова наполнил мой бокал.

Фишер смотрит на Кеннеди, потом на меня. Очевидно,

тут есть нечто, что они обсуждали.

Она набирает в грудь побольше воздуха:

– После этого все как в тумане…

* * *

ВЭ: Мистер Морган?

КМ: (Вертит в пальцах бутылку с водой.)

ВЭ: Я понимаю, как тяжело…

КМ: Она стала приставать ко мне, ясно? Я отстранялся, уперся в прилавок, она подошла вплотную. Ну, прижалась ко мне всем телом. И стала спрашивать, нравится ли она мне.

ВЭ: А она нравится… нравилась?

КМ (краснеет): Вроде того. В смысле, она сильно старше меня, но она чертовски горячая штучка. Все старшекурсники так думают. И выглядела она потрясающе в том платье – любой решил бы, что она очень сексуальна…

ВЭ: Это не преступление, мистер Морган, – считать ее привлекательной.

КМ: Калеб. Зовите меня Калеб.

ВЭ: Так что было дальше?

КМ (глубоко вздыхает): Ну, к этому моменту она была здорово пьяна. Сбросила туфли и стояла покачиваясь, словно не могла сохранить равновесие. И язык у нее заплетался. Даже если б я хотел, в таком состоянии она ни на что не

была способна.

ВЭ: Но вы могли бы… при других обстоятельствах? Если б считали, что она понимает, что делает?

КМ (пауза): В теории это возможно. Но только в теории – на практике это стало бы полным кошмаром. Для моих исследований, я имею в виду. Как бы то ни было, у меня есть девушка. Все это просто не стоило бы той колоссальной кучи дерьма, что свалилась бы на нас.

ВЭ: Что было дальше?

КМ: Она стала трогать меня – через одежду. Через шорты. Понимаете, она сказала, что это доказывает, что она нравится мне.

ВЭ (тихо): У вас была эрекция.

КМ (кивает): Но это не означает…

ВЭ: Калеб, это просто физиологическая реакция. Ее вы контролировать не можете. Это не означает, что в этом есть ваша вина. И это точно не означает, что на вас не нападали.

КМ: (Пауза.)

ВЭ: Мы можем продолжать?

КМ: (Отводит взгляд, кивает.)

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года

19:47

– Вы говорите, что не помните, что было дальше?

Фишер качает головой.

Кеннеди подается вперед.

– Послушайте, что конкретно утверждает этот Калеб Морган?

– Он говорит, что профессор Фишер стала домогаться его и продолжила это делать, даже когда он ясно дал понять, что отказывается. Соитие не произошло, но она дотрагивалась до него в области паха.

Фишер мотает головой.

– Это какое-то дикое, чудовищное недоразумение. Невозможно… – Она опускает голову, подносит руку к губам, тяжело дышит. Затем поднимает голову. – С Калебом все в порядке? Я в том смысле, что это единственное объяснение… должно быть, у него случился срыв… – Ее голос дрожит. – Послушайте, в последнее время он живет в сильном напряжении. Его исследование…

– Хочу уточнить: значит, вы утверждаете, что не помните ни о каком физическом контакте с мистером Морганом?

– Да.

– А синяк у вас на запястье – как он появился?

Фишер дергает рукав, затем осознает, что делает, и кладет руки на стол.

– Как я уже сказала вашему криминалисту, его, вероятно, нанес мой сын. Дети на удивление сильны и не всегда отдают

себе отчет в своих действиях.

Если она и понимает, сколько иронии в ее последнем замечании, то не подает виду.

– Что насчет утра?

Она хмурится:

– А что насчет утра?

– Вы проснулись в своей кровати?

– Естественно.

– Полностью одетой? В ночной одежде, в чем еще?

Фишер насмешливо изгибает бровь:

– Инспектор, я не пользуюсь тем, что вы так причудливо называете «ночной одеждой».

– Значит, вы были обнажены, но не помните, как добрались до кровати?

Она пожимает плечами:

– Мое платье висело на спинке стула, туфли стояли на полке. Все было так, как и должно быть. Если не считать того факта, что у меня раскалывалась голова и была дикая жажда, а завтрак для ребенка не был готов в срок. Только не говорите, что с вами такое не случается.

– И вас не беспокоит, что вы не можете вспомнить, чем закончился вечер? Такое раньше бывало?

Профессор тяжело вздыхает:

– Раз или два, к вашему сведению. Обычно после шампанского. Вчера мне следовало держаться подальше от «Бо-

лянже»[25].

Проклятье, а ловко она вывернулась…

– В таком случае, когда мы здесь закончим, я попрошу нашего офицера-криминалиста взять у вас анализ крови. Чтобы мы могли абсолютно точно установить, сколько алкоголя вы выпили.

Фишер смотрит на Кеннеди, та кивает:

– Они имеют право это сделать.

Асанти сдвигается на край стула.

– Что насчет платья?

Фишер хмурится:

– А что насчет платья?

– Почему вы ринулись сдавать его в чистку?

– Я же сказала вам. Я пролила на него вино. И не хотела вешать его в шкаф в таком виде. Боялась, что пятно останется, если не вывести его сразу.

– Но ведь дело было не только в чистке? Вы попросили сделать мелкий ремонт.

По лицу Кеннеди пробегает тень, и она не успевает скрыть это; для нее это новость.

Я открываю картонную папку и достаю лист бумаги. Это отсканированная копия страницы из книги учета в химчистке.

– «Отремонтировать разорванный вырез и пришить ото-

---

[25] Известный французский винный дом, специализирующийся на производстве шампанского.

рвавшиеся пайетки (пакет с пайетками предоставлен клиентом)».

Закрываю папку и смотрю на Марину.

– Профессор Фишер, что произошло? Как случилось, что на таком строгом и солидном приеме вы повредили столь дорогое платье?

– Я не помню.

– А может, вы повредили его не на приеме? Может, после приема, когда вернулись домой?

Фишер открывает и закрывает рот.

– Я же сказала вам, – после паузы говорит она, – я не помню.

* * *

ВЭ: Итак, она стала дотрагиваться до вас. Что было дальше?

КМ: Мне удалось отстраниться, и я повернулся, чтобы вылить шампанское в мойку. Я практически не пил его.

ВЭ: А сколько выпила она?

КМ: Думаю, к этому моменту она пила второй бокал.

ВЭ: Что потом?

КМ: Я стоял у мойки и почувствовал, как она прижимается ко мне сзади. Она обхватила меня руками и стала тянуть руки к моим шортам. Ну, понимаете ли, засовывала их внутрь… пыталась добраться… гм… до моего пениса.

ВЭ: Что вы сделали?

КМ: Я повернулся и вытащил ее руки. Сказал, что не хочу этим заниматься… что и она не хочет этим заниматься. Она сказала, что я веду себя нелепо… Что мы оба этого хотим. Я спросил, а как же Фрейя, и она просто засмеялась. Сказала что-то типа того, что зачем пить просекко, когда есть нечто получше. Потом обхватила рукой мою голову и стала тянуть ее вниз… ну, чтобы поцеловать.

ВЭ: А вы пытались ее остановить?

КМ (краснеет): Я схватил ее за запястья… пытался остановить, оттолкнуть. В одной руке она держала бокал, и вино вылилось. Можно сказать, произошла потасовка. (Пауза.) Наверное, тогда она и оцарапала меня… в тот момент я ничего не заметил. Сомневаюсь, что она сделала это намеренно – она все еще тянула меня к себе, ее рука была у меня на затылке, и вот тогда случайно поцарапала. (Глубоко вздыхает.) Послушайте, в конечном итоге я оттолкнул ее, хотя и не горжусь этим.

ВЭ: Насколько сильно вы ее толкнули?

КМ (снова вздыхает): Достаточно сильно. Правда, не в полную силу – я понимал, что надо быть осторожным: она была пьяна, а я значительно сильнее нее. Но я просто не знал, что делать, она не воспринимала мои «нет».

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
19:53

– Профессор Фишер, вы готовы отвечать на дальнейшие вопросы?

Кеннеди многозначительно изгибает бровь.

– Позиция моей клиентки абсолютно ясна. Все эти утверждения являются ложными, надуманными и, весьма вероятно, злонамеренными. Никакого инцидента не было, что означает по определению, что вы не найдете доказательств, подтверждающих его.

– Как ваш клиент может быть в чем-то уверена, если она утверждает, что не помнит ничего после того момента, когда было открыто шампанское?

Фишер начинает отвечать, но Кеннеди опережает ее:

– Потому что она профессионал. Потому что поведение такого рода абсолютно не в ее характере, что, я уверена, с радостью подтвердят вам ее коллеги. Как я сказала, если вы найдете какие-то доказательства тому, что какой-либо инцидент имел место, дайте нам обязательно знать. Но поверьте мне, вы ничего не найдете.

– А какой мотив может быть у мистера Моргана, чтобы делать ложные утверждения? У него есть что терять, а поль-

зы никакой.

Адвокат изгибает бровь:

– Вот об этом, инспектор, вам придется спросить у него.

* * *

«Оксфорд мейл» онлайн

Среда, 18 мая 2018 года

Местный депутат обвиняет британские университеты в неспособности защитить жертв сексуального насилия

Автор Ричард Йейтс

Депутат парламента от Дидкота и Чолси Петра Ньюсон приняла участие в напряженных дебатах, состоявшихся вчера вечером в дискуссионном сообществе «Оксфордский союз».

Выступая в поддержку заявления о том, что «палата представителей считает, что британские университеты не в состоянии за-

В стране планируются торжества по случаю королевской свадьбы
В честь завтрашней свадьбы в Виндзоре по всему Оксфордширу состоятся уличные гулянья и другие торжественные мероприятия… *(Далее)*

Мужчина 23 лет угрожал ножом при ограблении
После ограбления с применением ножа жителя района Иффли, случившегося на прошлой неделе, был арестован мужчина… *(Далее)*

Запрос на установку нового памятника поэту-романтику
Растет поддержка идеи отдать дань уважения Перси Биши Шелли, который в 1810 году был изгнан за атеизм из Университетского колледжа, и увековечить его память в центре Оксфорда… *(Далее)*

щитить студентов от сексуальных преступлений», мисс Ньюсон назвала ситуацию «крайне скандальной». «Мне ясно, что университеты и колледжи не принимают адекватных или достаточных мер против студентов, обвиняемых в изнасиловании и сексуальном нападении, и в очень многих случаях об этих инцидентах даже не сообщается в полицию. Но страшнее другое: когда в домогательствах или нападении обвиняется преподавательский состав, некоторые из этих учебных заведений смыкают ряды и защищают своих коллег. Лекторы — и мужчины, и женщины — являются *in loco parentis*[1] для молодых людей, находящихся на их попечении, и, если преподаватели злоупотребляют своим долгом, их нужно наказывать со всей строгостью закона».

Вторым выступающим была Марина Глисон, бывшая студентка одного из университетов центральных графств. Два года назад она пыталась подать иск против своего профессора, но потом решила снять обвинение, так как процесс стал

Мемориальная синяя табличка[1] в центре города в честь ученого-первопроходца

На этой неделе будет установлена синяя табличка в ознаменование достижений профессора Джейн Китинг… *(Далее)*

Спорт: отчеты о матчах и результаты… *(Далее)*

---

[1] Специальный знак, который устанавливается на зданиях в Соединенном Королевстве, чтобы отметить связь между данным местом и известным человеком или событием.

меня, явно нет опыта в таких делах, — сказала она. — Они были назойливы, травмировали меня своими вопросами. Я чувствовала себя так, будто судят меня, а не его».

Другую сторону в дебатах представлял Гарет Макфадден, выступавший от имени ста тридцати крупнейших университетов Великобритании. Он признал, что сексуальное насилие в общежитиях вызывает растущее беспокойство, и сказал, что его организация уже опубликовала подробный отчет о домогательствах и насилии в отношении женщин и о преступлениях на почве ненависти за 2016 год и что в отчете содержится перечень рекомендованных мер, призванных помочь учебным заведениям решить эту проблему и обеспечить лучшую поддержку жертвам.

26

129 комментариев

* * *

Клайв Конвей покончил с обследованием дома на Сент-Люк-стрит. Делать ему там было особо нечего. Два бокала из-под шампанского уже были вымыты и высушены, а так как очевидные признаки борьбы отсутствовали, он не представлял, что еще уголовный розыск рассчитывал найти. Он заканчивает фотографировать, напоминает себе, что нужно забрать пустую бутылку из мусорного ведра, и убирает бока-

[26] Вместо родителей (*лат.*).

лы в пакеты.

И уже собирается уходить, когда звонит его телефон.

– Конвей? Это Энтони Асанти. Мы допрашиваем Марину Фишер, и тут кое-что всплыло.

– Да?

– У нее с собой нет мобильника. Она думала, что взяла его, но в сумке его нет. Она думает, что он либо в ее кабинете в Эдит Ланселев, либо дома. Можешь поискать?

Конвей оглядывает кухню:

– Внизу ничего нет, придется посмотреть наверху.

– Огромное спасибо. И забери ее ноут, если найдешь, – учитывая, каким деликатным будет дело, Фаули хочет, чтобы мы проверили ее телефон. Ну, чтобы обезопасить себя.

– Ладно, я дам знать, если найду.

Клайв упаковывает свои вещи, идет в гостиную и оглядывается. Видит подключенный к зарядке мобильник на журнальном столике. Он укладывает его в прозрачный пакет и прячет в свой чемодан. И, только выпрямившись, замечает, что все это время в комнате находится мальчик, который сидит за низеньким столиком под окном. Он так увлечен своим делом, что, кажется, не подозревает о том, что в комнате есть еще кто-то.

Конвей подходит к нему. Мальчик трудится над большой картиной по номерам – это, похоже, огромное, сложное изображение святого Георгия и дракона. Если б этим занимался один из детей Конвея, карандашная штриховка везде

вылезала бы за границы, а у этого ребенка явно больше терпения, и он лучше владеет своей рукой, чем все трое отпрысков Клайва, вместе взятые.

– У тебя великолепно получается, – бодро говорит Конвей. – Тебе, наверное, помогает то, что у тебя есть так много цветов…

У его детей тоже есть набор *Caran d'Ache*, но он не знал, что они бывают в три яруса глубиной. Здесь, наверное, больше сотни карандашей. Клайв несколько минут стоит рядом и наблюдает, как мальчик, закончив с каким-то цветом, аккуратно кладет карандаш на то же место в наборе. На столике царит порядок, спектр, в котором разложены карандаши в коробке, не нарушен, и тишину в комнате нарушает мерное «чирк, чирк, чирк» по бумаге.

* * *

15.59

AE I OU

Гласные
(в сети)

- Рон Сэндфорд
В общем вчера эта рыбачка ловчиха мужиков показала себя в лучшем виде 15:48

- Вик Гиббинс
Мое мнение момент был самое то – она *здорово* налакалась 15:50

- Рон Сэндфорд
Мяу. Ты почти не скупился 😸 15:50

- Кейт Кессон
Кто-нибудь просветит нас тех кто не попал в А-список? 15:52

- Кейт Кессон
Касательно того получили ли мы эти чертовы деньги? 15:52

- Рон Сэндфорд
Можно с уверенностью говорить утвердительно #звон монет 😉 15:53

- Кейт Кессон
Боже она станет еще *более* невыносимой #вздох 15:54

* * *

Конвей закрывает входную дверь и слышит, как щелкает замок. Монмут-хаус стоит на углу, поэтому у Марины Фишер, в отличие от ее соседей, есть боковой вход в дом и ей не надо решать неразрешимую проблему, с которой сталкиваются все владельцы блокированных георгианских домов от Бата до Блумсбери: что делать с чертовым мусорным баком. Баки Фишер прямо у боковой калитки, аккуратно спрятаны под специально построенным навесом, увитым клематисом. Конвей открывает один и, как ожидал, на самом верху находит бутылку из-под шампанского. Он убирает ее в пакет и уже собирается опустить крышку, когда обращает внимание на то, что лежит под бутылкой. Слегка хмурится, секунду сомневается, а затем лезет в свой чемодан за еще одним пакетом.

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
20:15

– Понимаю, сейчас поздно и жарко, сегодня суббота, и все

вы предпочли бы вести допрос за стаканом холодного пива, но я просто хочу собрать первые впечатления, пока они свежие.

Я оглядываю их. Эв, Куинна, Асанти.

– Итак, кому из них вы верите? Предупреждаю, вопрос без подвоха.

– Если б вы потребовали ставить на кого-то из них, я поставила бы на Моргана, – говорит Эверетт. – Он ответил на все вопросы, поддерживал зрительный контакт. Даже признался, что она нравилась ему, что, как он наверняка знает, только усложняет дело. Но ему задавались вопросы, и он давал честные ответы.

Я поворачиваюсь к Куинну:

– Ну а ты что?

Он пожимает плечами:

– Не могу понять, что Морган вообще здесь делает. Ничего же, по сути, не случилось. Зачем устраивать это дерьмовое шоу? И одновременно рисковать своей карьерой? Он не дурак и наверняка понимает, что вероятность обвинительного приговора сто процентов.

Эв смотрит на него:

– Ты тоже сказал бы, что «ничего же по сути не случилось», если б все поменялось местами? Если б на их месте был мужчина-преподаватель и женщина-студентка? Нет, естественно, не сказал бы.

– Я знаю, что мы все это знаем, – ровным голосом говорит

Асанти, переводя взгляд с одного на другого, – но сексуальное нападение никак не связано с сексом. Тут все дело во власти. А в этих отношениях власть у Фишер. Если б она злоупотребляла этой властью каким-нибудь другим способом – я имею в виду, академически, – тогда у Моргана было бы полное право подать жалобу. Почему здесь должно быть по-другому?

Куинн качает головой:

– Он все равно сильно рискует…

– А что насчет нее? – перебивает его Эв. – Зачем домогаться студента, когда знаешь, что он может пойти к руководству колледжа и пожаловаться? Вот это точно риск.

– В том-то и суть, – говорю я. – Оба они рискуют. Морган сам так сказал на допросе. Он сказал, что любой, кто работает в этой области, должен быть готов к риску, иначе они никуда не продвинутся.

Эв хмурится:

– Что, по-вашему, они стоят друг друга? Вы это хотите сказать?

– Я говорю, что перед нами два человека, которые, вероятно, в отличие от большинства, готовы играть по высоким ставкам.

Наступает пауза. Они плохо представляют, что нам это дает. Если честно, я тоже.

– Я вообще не знаю, при чем тут уголовный розыск, – бормочет Куинн. – И тем более вся экспертная команда.

Куинн в своем духе, но на этот раз я ему сочувствую. Будь у меня выбор, я бы не привлек всю команду, однако мы не можем отвертеться под предлогом более срочного дела, и – что еще важнее – я предвижу, что рано или поздно главный констебль начнет «проявлять интерес», или «просто проверять», или делать нечто, что его личный помощник обзовет каким-нибудь обтекаемым термином. Как выразился бы мой первый инспектор, «это всего лишь предложение, но не будем забывать, кто его делает».

– Есть кое-что насчет Фишер, – наконец говорит Асанти. – Я еще не понял, но тут точно что-то не так. Весь этот бред насчет того, что она не может вспомнить, – уж больно все удачно, если хотите знать мое мнение.

– С другой стороны, – говорю я, – почему Морган не упомянул о порванном платье? Он честно признал, что была физическая потасовка, – почему не признать, что во время нее было порвано платье?

Эв пожимает плечами:

– Может, он этого не понял? Может, он просто не помнит?

Куинн пренебрежительно хмыкает и смотрит в сторону.

– Ага, вот именно. Он ничего не помнит, она ничего не помнит… Он сказал, она сказала… Все это чушь, от начала и до конца.

Я вижу, что Эв собирается возразить, и решаю вмешаться:

– Ладно, на сегодня для всех нас хватит. Но детектив-констебль Куинн прав насчет одного: так уж получается, что Ко-

ролевская прокурорская служба никогда не согласится работать с этим. Если мы получим ДНК с тела Моргана, вот это будет совсем другая история. А пока, нравится нам это или нет, мы не можем игнорировать тот факт, кем является его мать. Ни в малейшей степени. К тому же я сомневаюсь, что она нам это позволит. Помните те дебаты о сексуальном насилии, что состоялись пару месяцев назад? Она тоже там участвовала, хотя жертвой был не ее сын.

Куинн тяжело вздыхает:

– Только этого нам не хватает. Чтобы нас со всей высоты облил дерьмом высокопоставленный политик.

– Точно, – говорю я. Потому что подобное отношение никуда не приведет ни нас, ни Куинна. – Так что не доставим ей такого удовольствия. Экспертиза будет готова через пару дней, и это если нам повезет. А пока надо подтвердить показания Моргана у его девушки и поговорить с коллегами Фишер. Здесь и там, где она работала раньше. Я хочу знать, был ли хоть малейший намек на нечто подобное. И проверьте, кто из этих людей был приглашен на ужин в Байллиол, – давайте посмотрим, сможем ли мы выяснить, были ли какие-нибудь признаки ущерба, когда она уходила, в каком состоянии была она сама или ее платье.

– Только нам надо быть очень осторожными, – говорит Асанти. – Заявления подобного рода разрушат ее карьеру. И если выяснится, что она этого не делала…

– Вот именно. Действуем чрезвычайно осмотрительно. Я

хочу слушать, что крутится на мельнице слухов, а не запускать ее.

Я встаю. Асанти что-то пишет. Эв собирает свои вещи. Куинн чем-то взволнован.

– Я поручу детективу-констеблю Бакстеру поработать с телефоном Фишер и еще узнаю, сможет ли Брайан Гоу просмотреть запись ее допроса. Если Асанти прав и здесь действительно что-то есть, он наверняка это увидит. Он наш шанс. Что до остального, детектив-констебль Куинн, ты продолжаешь замещать должность детектива-сержанта. Работай.

Куинн поднимает голову:

– Да, босс.

Мои слова воодушевляют его.

* * *

Сумерки – самое обманчивое время дня. В небе еще есть воспоминания о свете, а внизу, на земле, темно. Никто так и не заметил мужчину, припарковавшегося у тротуара, даже любопытный старикан, который только что прошел мимо со своей собакой. А что ему было замечать? Мужчина уже долго не двигается – не читает газету, не включает радио, не достает упаковку ментоловых конфеток. Машина погружена в тишину, да и он тоже. Ничего не делает. Только наблюдает.

Несколько мгновений спустя открывается дверь напро-

тив, и по дорожке к решетчатой калитке быстро идет женщина. Она поднимает крышку одного из мусорных баков и бросает в него черный пластиковый пакет, потом оглядывает улицу. Сейчас она смотрит прямехонько на мужчину, и тот сползает по сиденью вниз, хотя и знает, что она не может разглядеть его лицо – слишком темно, слишком далеко.

Когда мужчина подтягивается обратно, то видит двух женщин, идущих по тротуару ему навстречу. Они оживленно болтают и толкают перед собой коляски с малышами. За ними плетется мальчишка-подросток, у него рыжие волосы и большие очки. Мужчина хмурится. Мамаши слишком рассеянны, слишком измотаны, чтобы что-нибудь замечать, тем более человека, спокойно сидящего в машине. А вот дети другие. Им на все плевать. Они просто заглядывают внутрь.

Женщины приближаются к машине, и он слышит обрывки разговора.

– Думаю, ты должна сказать им…

– Но ты же знаешь, что это за место…

– Когда я заговорила об этом с Пиппой, она сказала то же самое…

Женщины проходят дальше, мальчишка же мешкает, и мужчина видит почему. Он останавливается у каждой машины, смотрит на марку и что-то отмечает в маленьком красном блокноте. Мужчина прищуривается. Вот невезуха – наткнуться на единственного мальчишку на планете, которому хочется стать чертовым копом, когда вырастет…

Пока что мальчишка достаточно далеко, чтобы можно было прочитать номер. Слишком темно. Женщина стоит у своей калитки и внимательно смотрит, пытаясь разглядеть своего пацана.

Мужчина тихо чертыхается и заводит двигатель.

* * *

Когда Ниам Кеннеди останавливается напротив Монмут-хауса, на фасаде дома нет ни единого огонька.

– Должно быть, Беатрис в кухне, – говорит Фишер, глядя на окна. – Бедняжка, я не думала, что все так затянется…

– Подобные вещи всегда тянутся бесконечно. Послушай моего совета: выпей полный стакан вина, прими горячую ванну, а потом ложись в кровать.

– Так и сделаю. Мне нужно проводить больше времени с Тобином. Одному богу известно, что он думает.

– Дети устойчивее, чем ты думаешь. Он станет брать пример с тебя. Пока ты говоришь с ним спокойно, с ним все будет хорошо. – Адвокат пожимает Фишер руку. – Не переживай, Марина. Знаю, сейчас ты подавлена. Но ты сильная. Если б ты была из тех, кого эта ситуация легко сломила, ты никогда не поднялась бы так высоко.

Фишер коротко кивает, вылезает из машины и, не оглядываясь, переходит дорогу. Она гордо держит голову, пока ищет ключи и отпирает дверь, – но как только машина отъ-

езжает, она сникает и с трудом переступает через порог.

Секунду стоит в прихожей, привыкая к темноте. На нижней ступеньке видит светлое пятно, которое бросается к ней. На бледном лице темными провалами выделяются глаза.

– Мама, где ты была? Ты обещала посмотреть мои рисунки. Я так долго ждал тебя… Где ты была?

* * *

«Вот сейчас, когда я ходила к бакам, он был там. Опять. Стоял у тротуара, причем намеренно встал достаточно далеко, чтобы я не могла рассмотреть его – хорошо рассмотреть. Потом мимо прошли две женщины с колясками; думаю, они спугнули его, потому что, как только они приблизились, он тут же уехал.

Но это был он. Я точно это знаю.

Он был там».

* * *

Адам Фаули
7 июля 2018 года
21:53

Когда я добираюсь до дома, сгущаются сумерки. Свет горит только на кухне, и это знак того, что в холодильнике есть салат – на тот случай, если мне захочется поесть. Я наливаю

себе бокал мерло и крадусь наверх. Дверь в детскую открыта. Раньше это была комната Джейка. Пару месяцев назад мы потратили все выходные, чтобы тщательно упаковать его вещи. Мы это не обсуждали – надобности не было. Просто знали, что время пришло. И сейчас в комнате все новое. Обои, мебель, постельное белье, шторы; детская одежда, все еще в упаковке, сложено стопками, над кроваткой даже висит мобиль. В воздухе витает запах краски. Желтой. Все в белых и желтых тонах – ни намека на голубой или розовый. Алекс уже давно знает пол нашего ребенка, но ни разу не проговорилась. Внизу, на холодильнике, висит список имен, в нем как мужские, так и женские. Список пополняется, какие-то имена вычеркиваются, против каких-то стоит знак вопроса. Кажется, мы наконец-то сошлись на Лили-Роуз для девочки, а вот с именем для мальчика у нас затык. В буквальном смысле: ей нравится Стивен, в честь ее отца, но я ненавижу имя Стив; мне нравится Гейбриел, но она не выносит имя Гейб. Тупик.

…Тихо прохожу по коридору, на дюйм открываю дверь нашей спальни и на мгновение замираю, вслушиваясь в ночь.

Снаружи доносится отдаленный вой сирен, шум проезжающих по улице машин, последние ноты песни черного дрозда.

Но здесь, в комнате, моя жена тихо стонет, не просыпаясь, тревожные сны не дают ей покоя.

* * *

На следующее утро, ровно в девять, Энтони Асанти сидит у окна в эркере своей квартиры и разговаривает с матерью по телефону. Он опустил жалюзи, чтобы солнце не слепило, но припекает уже довольно сильно, чтобы и дальше сидеть здесь. «Окно в эркере», вероятно, наводит вас на мысль о квартире в одном из классических викторианских домов в Оксфорде – четыре этажа, красный кирпич и камень, – но вы сильно ошибаетесь. Это окно прямоугольное и выступает из стены, как наполовину открытая дверь, а квартира – в изящном бело-деревянном дуплексе. Гостям с трудом верится, что такой дом существует в этом городе, тем более близко к центру. Правда, «гости» пока что понятие условное, так как Асанти живет здесь всего несколько недель. Но даже если б он жил дольше, все равно предпочитал бы держать свое личное пространство в тайне. Хотя понимает, что должен сделать исключение для родителей. Переложив телефон к другому уху, Асанти листает страницы на планшете. Он мастер многозадачности; правда, разговор с матерью не требует особых мозговых усилий. Сейчас она что-то говорит о том, чтобы вытащить его на обед в следующие выходные. Что-то о том, что вчера в ее колледже был прием в честь бывших выпускников.

– Не беспокойся, – быстро добавляет мама, прежде чем

он успевает ответить, – мы переночуем там.

Асанти прилагает все силы, чтобы в его голосе не звучало облегчение. Он любит родителей и – что бывает реже – восхищается ими, но ему совсем не хочется, чтобы они ночевали в его квартире. Если б мать настаивала, пришлось бы сказать, что он так и не купил гостевую кровать (что было бы правдой), однако он благодарен матери, причем не в первый раз, за ее способность самостоятельно разбираться со всеми этими проблемами.

– Здесь, в общежитии для старшекурсников, полно свободных комнат. Пусть в ЭЛ нет горгулий и мальчиков, зато всегда много места.

– Как насчет «Окуня»? Пообедаем там? Папе он всегда нравился.

– Великолепно. Хотя было бы лучше, если б мы заранее сделали бронь – в такую погоду здесь не протолкнуться. Особенно в выходной.

– Ладно, я это решу. Предоставь это мне.

– Энтони, нам не терпится посмотреть твою новую квартиру. Ты точно не хочешь, чтобы мы тебе что-нибудь отдали? У нас полно свободной мебели, чердак просто ломится…

Асанти улыбается. Все, что подходит для родительского таунхауса с оштукатуренным фасадом в Холланд-Парке, не подойдет для его квартиры.

– Мам, все в порядке, мне действительно ничего не нужно.

Он заканчивает разговор и идет в кухню, где всего в

нескольких футах за окном возвышается, как утес, замковая насыпь. На дорожке соседский черно-белый кот охотится за мышью. У кота один глаз и роскошные усы, отчего он похож на бравого пирата. Холм был одной из главных причин, почему Асанти купил эту квартиру. Одних привлекли бы бары и кофейни ставшего шикарным районом тюремного квартала, до которого всего несколько сот ярдов[27]; других – пять минут ходьбы до станции. Но Асанти нравится абсолютная невероятность насыпи, этого рукотворного холма тысячелетней давности, расположенного в самом сердце города. Ему нравится и старая пивоварня, и переоборудованная солодовня; ему нравятся звучные названия – Райская улица, Дрожащий мост, Говяжий переулок. Здесь была больница для лошадей в девятнадцатом веке, а в двадцатом – мармеладная фабрика. Этот район еще не так хорошо известен; он эклектичный и неожиданный, как и сам Асанти.

Он наливает себе стакан воды и чуть шире открывает кухонное окно. Летом во дворе замка ставят шекспировские спектакли, и ему виден край сцены и ступеньки, на которых сидят зрители. Асанти побывал на паре постановок, в том числе и на «Генрихе V». То, что в ней занято всего четыре актера, звучало не очень заманчиво, но спектакль оказался чудесным. По вечерам, когда все вокруг затихает, а деревья на холме подсвечиваются прожекторами, ему нравится сидеть на балконе и слушать спектакли. Вот вчера дава-

[27] 1 ярд = 0,91 м.

ли «Тита Андроника»[28]. Пьеса не из тех, которые он знает, но школьникам явно нравилось. Каннибализм, месть и сексуальное насилие – что тут может не нравиться, когда тебе пятнадцать…

* * *

Эв навещает отца. Он уже пару месяцев живет в доме престарелых, и ему понадобилось немало времени, чтобы привыкнуть к месту и тем более смириться с ним. Она согласилась на это почти с той же неохотой, что и он, но после падения, закончившегося сломанным бедром, поняла, что выбора нет. Так сказал врач, так сказал управляющий дома, даже Фаули так сказал. Однако от их слов ей не легче видеть укоризненный взгляд отца или выслушивать его полные душевной боли жалобы.

С тех пор она ездит туда каждые выходные, но сегодня впервые не включено отопление. Все сохранившие способность передвигаться обитатели в саду – там Эв еще не была, и он оказался гораздо приятнее, чем она ожидала. Клумбы с розами, ноготками, петуниями – цветами, на которых выросло поколение отца. Естественно, он находит множество поводов для критики («этот садовник – полный недотепа, с помощью «Фэйри» тлю не победить»). Зато его щеки слегка

[28] Самая ранняя трагедия Шекспира.

порозовели, когда Эв усаживала его в кресло. Потом был чай и недопеченное печенье с изюмом, просмотр дневных программ по телевизору с деморализующей рекламой похорон, и средств для фиксации протезов, и лечения «чувствительного мочевого пузыря», этого эвфемизма десятилетия. Эв с неприятным осадком осознает, что подобного рода реклама недавно стала появляться на ее страничке в «Фейсбуке»[29] – интересно, эти люди знают, сколько ей лет? В половине одиннадцатого она понимает, что с нее достаточно, и решает, что заработала чашку хорошего кофе в тишине и покое собственной гостиной. Она встает, оправдываясь тем, что нужно покормить Гектора, но отец тут же громко рявкает, что единственная дочь «больше заботится о своем чертовом коте, чем обо мне». Пара посетителей недовольно смотрят ей вслед, когда она уходит, но один сочувственным взглядом как бы говорит: «Не переживай, я проходил через такое же».

В вестибюле Эв убыстряет шаг, устремляясь к двери, и тут слышит, как кто-то окликает ее:

– Мисс Эверетт?

Она оборачивается. Это Элейн Бейлис, менеджер. У Эв падает сердце. Кофе откладывается еще на полчаса. В лучшем случае.

– Я сразу подумала, что это вы. Мы могли бы погово-

---

[29] Здесь и далее: 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

рить? – Вероятно, Бейлис увидела выражение Эв, потому что ее лицо становится жестким. – Не беспокойтесь, надолго я вас не задержу.

Едва ли Бейлис значительно старше Эв, но сочетание унылого гардероба и профессиональных лицемерных манер превращает ее в пожилую женщину лет пятидесяти пяти.

Она приглашает Эв в кабинет и закрывает за собой дверь. Эв садится на неудобный пластиковый стул.

– Я вот что хотела сказать, – начинает Бейлис, усаживаясь на свое место и тщательно расправляя юбку – ее мамаша могла бы гордиться дочерью, – мы действительно очень рады, что ваш отец обосновался у нас.

Эв гадает, говорит ли она от имени всего персонала или же по-королевски именует себя «мы».

– Но?..

Бейлис хмурится:

– Прошу прощения?

– Ваши слова звучат так, будто за ними последует «но». – Эв улыбается. – Или, возможно, все дело в том, что я слишком давно допрашиваю подозреваемых.

Бейлис явно ошарашена, пусть и на секунду. Все бывает в первый раз, думает Эв.

– Я просто имела в виду, что это всегда облегчение – для всех, – когда подопечный начинает чувствовать себя как дома.

Эв ждет. Что-то наверняка последует. Никаких вопросов.

Как она сказала, она уже очень долго играет в игру с допросами.

Бейлис вздыхает.

– Знаю, мы говорили об этом раньше, до того как ваш отец стал одним из нас. – Из ее уст это звучит так, будто речь идет о вступлении в масонский орден. – Но чувствую, что нужно повторить еще раз. «Мидоухолл» – это дом престарелых, а не частная лечебница. У нас нет специальных ресурсов…

– Для альцгеймеров.

– Да, для альцгеймеров.

– Врач говорит, что стадия ранняя. Ему прописали препараты…

– Знаю, и мы заботимся о том, чтобы он их принимал. Но это все, что в наших силах. – Последнюю фразу менеджер произносит с нажимом. – У нас нет персонала для круглосуточного ухода. Мы не смогли бы справиться…

– Если бы наступило ухудшение… да, знаю. Вы говорили мне.

Бейлис долго и внимательно смотрит на нее.

– Это не вопрос «если», мисс Эверетт. В конечном итоге всегда выигрывает болезнь.

У Эв неожиданно к горлу подступает комок.

– Знаю, – говорит она после секундной паузы, голос выдает ее. – Я это знаю, просто хочу… я хочу, чтобы он как можно дольше жил в нормальном месте. Там, где он чувствует себя максимально как дома.

Бейлис кивает:

– И именно это мы и обеспечим. Но лишь на тот период, пока такое возможно. Я просто хотела прояснить этот момент.

Эверетт встает – если бы Бейлис на самом деле была подозреваемой, Эв нашла бы точный и хлесткий ответ, идеальный набор слов, чтобы восстановить баланс сил между ними, однако что-то в этом кабинете «глушит» ее мозги.

– Извините, – бормочет она, – мне надо идти.

* * *

Найти главу университетского отделения информатики было легко, а вот убедить его встретиться с ними в выходные оказалось довольно сложно. Но вот он открывает дверь своего дома на Эбингдон-роуд; мужчина демонстративно одет в шлепанцы и в алый с бирюзовым халат.

– Вы же не мунисты[30], так? – весело спрашивает он. – Однажды ко мне постучался человек в таком же наряде; он был именно от них. Спрашивал, хочу ли я спастись.

Куинн делает шаг вперед, показывает свое удостоверение:

– Исполняющий обязанности детектива-сержанта Гарет Куинн. Это детектив-констебль Асанти. Спасибо, профессор Сэндфорд, что выделили время, чтобы увидеться с нами.

---

[30] *Мунисты* (Церковь объединения) – религиозная секта, основанная в Южной Корее в 1954 г. и распространившаяся по всему миру.

Сэндфорд отступает назад и жестом приглашает их войти.

– Я на кухне. В задней части.

Это викторианский двухквартирный особняк, но, в отличие от многих людей, живущих в таких домах, Сэндфорд не сносил стены в комнатах первого этажа, поэтому здесь складывается ощущение, будто находишься в железнодорожном вагоне, где двери открываются в коридор, в который почти не поступает свет. Из-за этого, а также из-за обоев с плотным рисунком и стопок газет и журналов помещение кажется более тесным, чем есть на самом деле. Кухня находится в современной пристройке; правда, понятие «современная» относительно. Восьмидесятых годов, скорее всего. Оставшаяся часть сада вымощена плиткой, на ней стоит пластиковый стол со стульями. Неухоженные кусты помидоров чахнут у забора в текстильном мешке с субстратом. Не заглядывает богиня чистоты и уюта и на кухню, там грязь и беспорядок; единственный предмет, которому меньше тридцати лет, – кофемашина «Неспрессо». Все остальное – антиквариат восемьдесят пятого года: подставка для кружек, одинаковые банки для кофе и чая, эмалированный тостер в углу – наверняка из той эпохи, а не стильная репродукция. На барной стойке дымится кружка с кофе и стоит тарелка с только что намазанным маслом тостом. Сэндфорд не предлагает им ни кофе, ни тосты. Он просто вытаскивает табурет из-под стойки и жестом велит сделать то же самое.

– Наверное, дело серьезное, ребята, если вы в воскресе-

нье, в такую рань разоделись в пух и прах.

Куинн достает свой планшет:

– Мы наводим справки в отношении профессора Фишер.

Сэндфорд изгибает бровь. Его губы силятся сложиться в полуулыбку.

– Марины? Ну-ну… Кто бы мог подумать, а?

– В настоящее время, сэр, дело является конфиденциальным. И очень важно, чтобы оно оставалось таковым в дальнейшем. Уверен, вы понимаете.

Сэндфорд делает вид, будто застегивает «молнию» на губах.

– Будьте уверены, мой рот на замке. – Он тянется за своим тостом и щедро накладывает на него черничный джем. У Асанти урчит в желудке. – Тогда приступайте, – говорит Сэндфорд с полным ртом. – Что вы хотите знать?

– Какие отношения у профессора Фишер с ее студентами? – спрашивает Куинн.

Сэндфорд медленно кивает, жуя.

– Она очень популярна. И этому способствует то, что она медиазвезда – рассыпает вокруг себя звездную пыль… О да, у нее даже есть свита.

– Что насчет коллег? – спрашивает Асанти. – У них она вызывает такое же восхищение?

Сэндфорд размышляет:

– Скажем так, здесь больше нюансов. Никто не оспаривает ее техническую компетентность, но это же Оксфорд. Со-

вершенство просто приводит вас на первую базу[31].

– Что они думают о ее общественном статусе? – продолжает Асанти. – Он воспринимается как положительное качество?

Сэндфорд прищуривается:

– Ну, «официальная» линия состоит в том, что иметь в штате такую женщину, как Марина, – сплошной плюс. И если это помогает привлекать к предмету девушек, еще лучше. Рост показателей приема женщин до сих пор остается Священным Граалем на всех ЕНТММ-факультетах[32].

Куинн изгибает бровь:

– А «неофициальная» линия?

Сэндфорд откладывает тост и вытирает руки бумажным полотенцем.

– Есть такие, кто считает ее слишком яркой, а ее довольно… скажем так… идиосинкразический[33] стиль одежды лишь добавляет масла в огонь. Ей, по всей видимости, на это плевать, но в этом вся Марина.

– По моему опыту, – осторожно говорит Асанти, – в академической жизни много соперничества…

Сэндфорд уже смеется:

– Господи, устами младенца… Самый обычный оксфорд-

---

[31] Позиция в бейсболе.

[32] Факультеты естественных наук, технологий, машиностроения и математики.

[33] В данном случае имеется в виду «особый» – прямой перевод термина с греческого языка.

ский факультет, детектив-констебль, это очень маленький пруд, переполненный пираньями размером с лося. И тот факт, что эти пираньи редки, делает их самку еще более смертоносной.

Асанти и Куинн переглядываются.

Сэндфорд встает и идет к кофемашине.

– Можно сказать, что самыми ярыми недоброжелателями Марины почти наверняка движет зависть и почти всегда ими являются другие женщины. Известно, что одна из них назвала ее «тем видом марин, где лучший вариант – широкий причал».

Он устремляет на них тяжелый взгляд, поворачивается к панели управления и включает машину. Кухня наполняется глухим бульканьем. Куинн многозначительно таращится на пустые кружки, но на Сэндфорда это не действует. Он забирает свой кофе и снова садится за стойку.

Асанти глубоко вздыхает: наступает точка невозврата. Впредь им придется рассчитывать только на то, что Сэндфорд будет держать рот на замке, однако его манеры едва ли внушают уверенность в этом.

– Известно ли вам о каких-либо заявлениях на профессора Фишер? В связи с ее преподавательской деятельностью?

Сэндфорд явно заинтригован.

– Какого рода «заявления»? – Он смотрит на них, и по мере того как длится молчание, к его удивленному взгляду добавляется отвисшая челюсть. Наконец до него доходит. –

Чтоб мне провалиться… Вы наверняка шутите, да?

– Пожалуйста, просто ответьте на вопрос.

Сэндфорд слегка откидывается:

– Ну, если вы имеете в виду то, что я думаю, то вся эта идея абсурдна. Насколько я знаю, у Марины нет недостатка в мужском обществе, а если и есть, то не настолько же она глупа.

Асанти спокойно делает записи, стараясь представить, что это самое обычное дело, однако у него нет уверенности в том, что получилось создать видимость этого.

– Мне известно, что в пятницу вечером состоялся ужин для сбора средств, – говорит Куинн. – В Байллиоле. Вы там были?

Сэндфорд кивает:

– Естественно. И если вы собираетесь спрашивать меня о Марине, то она великолепно справилась со своей задачей. Важные шишки буквально ели у нее с руки, особенно наши китайские друзья. Они не могли наглядеться на нее. А то платье – как в тот раз сказали про Николь Кидман? – «самая настоящая театральная «Виагра». Кто-то слышал, как во время десерта вице-канцлер пробормотал, что следовало бы попросить двойную порцию.

– Полагаю, такого рода успех не сильно способствовал любви со стороны ее женщин-коллег.

Сэндфорд сухо улыбается:

– Несомненно. Но так уж получилось, что она там была

единственной женщиной.

Асанти медленно кивает. Легко представить, какой это был выброс адреналина. Вероятно, Фишер чувствовала себя непобедимой. Достаточно ли непобедимой – и достаточно ли подстегнутой алкоголем, – чтобы решить, что она может просить о чем угодно и рассчитывать это получить?

Он откашливается:

– Профессор Фишер призналась нам, что пила алкоголь за ужином.

– Мы все пили.

– Кто-нибудь делал фотографии?

Сэндфорд на секунду хмурится:

– Думаю, да. У меня с собой телефона не было, но вчера в факультетской группе «Ватсапа» кто-то выложил пару снимков.

– Вы есть в этой группе?

Сэндфорд кивает:

– В наказание за мои грехи… Как я понимаю, вы хотите посмотреть?

– Если вы не возражаете, сэр.

Сэндфорд шарит под воскресными газетами и вытаскивает телефон.

– Вот. Ничего особенного там нет.

– Ваша группа называется «Гласные»? – хмурясь, спрашивает Куинн.

На лице Сэндфорда появляется самодовольное выраже-

ние.

– Искусственный и экспериментальный интеллект, Оксфордский университет. ИЭИОУ.

– Здо́рово.

Сэндфорд продолжает ухмыляться:

– Спасибо. Я тоже так думаю.

Куинн смотрит в телефон. Там пара формальных фотографий, сделанных до того, как все сели за стол: выстроившиеся в линию мужчины в смокингах и Фишер посередине, в алом платье напоминающая тропическое насекомое на фоне монотонного черного и белого. Она повернулась к камере в три четверти, одно плечо опущено, как будто она не раз позировала для фото и знает, как это делать. На следующих снимках люди с бокалами портвейна. Среди них четко видна Марина, беседующая с двумя мужчинами средних лет. Ее щеки покрывает легкий румянец, и, судя по лицам собеседников, оба очарованы ею, хотя трудно определить, что именно так действует на них – глубокий вырез с ложбинкой или тема беседы. Куинн передвигается на следующую фотографию и показывает ее Асанти с многозначительным видом. Объектив поймал Фишер, когда она жестикулировала: правая рука поднята, рукав соскользнул к плечу. Браслета на ней нет, и на запястье отсутствуют какие-либо пятна.

– Вы могли бы переслать это фото мне, сэр? – спрашивает Асанти, передавая свою визитку через стойку.

Сэндфорд пожимает плечами:

– Конечно, без проблем, как говорят мои американские кузены.

Куинн встает:

– Если у вас больше нет информации, которую нам следовало бы знать, тогда, думаю, это все. Не будем мешать вам завтракать. – «И купим себе что-нибудь на завтрак. Спасибо, черт побери, что не угостили».

Сэндфорд провожает их по коридору до двери:

– Есть одна вещь…

– Да? – говорит Куинн, поворачиваясь к нему.

– Кто подал это «заявление» против Марины? Кажется, вы не говорили.

– Да, – отвечает Куинн, – мы не говорили.

…Они идут по Эбингдон-роуд к Сент-Олдейту, и Асанти спрашивает у Куинна:

– Какова вероятность, что все это до конца дня уже будет в группе в «Ватсапе»?

– Два к одному.

* * *

Обычно в воскресенье Клайва Конвея силком на работу не затащить, но в деле Фишер что-то не так, поэтому, как только его жена устраивается в саду со своим братом и семьей Клайва, он проскальзывает наверх, в кабинет, и подключается к серверу полиции долины Темзы. Смотрит на

экран, потом откидывается на спинку и принимается медленно раскачиваться в кресле.

По идее, он должен бы быть доволен собой, поскольку его догадка подтвердилась. Но все не так просто. Просто вообще бывает редко. Потому что если ясно, что именно он нашел, всякие «почему» и «каким образом» требуют объяснений.

Жена зовет его у подножия лестницы, спрашивает, куда он делся, и напоминает, что пора разжигать огонь для барбекю.

Клайв наклоняется вперед, хватает трубку стационарного телефона и набирает номер.

* * *

Швейцар просматривает список:

– Корнуоллис-билдинг. Вверх по улице, поверните направо. Номер шесть.

Фрейя Хьюз живет на территории одного из специализированных колледжей для выпускников. Колледж был основан век назад и размещается в разбросанных по территории викторианских зданиях, позади которых, в саду, была специально построена столовая. Эверетт здесь раньше не бывала, но место кажется ей милым. Хотя она догадывается, что более заносчивые американские абитуриенты отвергнут это учебное заведение как «не Оксфорд».

Комната Хьюз на верхнем этаже современной пристройки

позади главного здания. Помещение выглядит потрепанным, бетон в разводах и пятнах, в двойных окнах не хватает стекол. Забавно, что современные университетские здания никак не уживаются со старыми. Что до похожей на армадилла металлической конструкции на Вудсток-роуд…

– Да?

Девушка, открывшая дверь, маленькая и светловолосая. У нее бледная кожа, что, должно быть, доставляет много хлопот при жаре, и такие бледные ресницы, что их почти не видно. Держась за ручку, она открывает дверь лишь настолько, насколько это необходимо. Вид у нее не враждебный, но взгляд настороженный.

Эверетт протягивает вперед удостоверение:

– Детектив-констебль Верити Эверетт. Я здесь по поводу Калеба Моргана.

– А, да. Калеб. Конечно. Проходите.

У нее великолепный вид из окна на заднюю часть одного из викторианских зданий, перед которым обустроена аккуратная мощеная площадка с деревянными скамейками, кустами и каменным барбекю. В самой комнате потолки могли бы быть повыше, зато к ней примыкает ванная, а на полу лежит вполне приличный ковер. «Довольно миленько», как и все в этом колледже. Вероятно, им следовало бы сделать это своим девизом. На латыни, естественно.

Эверетт садится за письменный стол, а Хьюз пристраивается на приоконной скамье. На столе лежит мобильный те-

лефон, но, как только девушка видит, что Эверетт поглядывает на него, быстро встает и забирает его.

Эверетт достает записную книжку:

– Калеб ваш молодой человек, верно?

Хьюз кивает.

– Как давно вы вместе?

– Примерно девять месяцев.

Эв записывает.

– Насколько я знаю, он пришел к вам в пятницу вечером… чтобы рассказать о случившемся?

Еще один кивок.

– Он не собирался ничего с этим делать, но я сказала, что так неправильно. Что ей не следовало так себя вести.

– «Она» – это профессор Фишер?

– Она позволяет себе лишнее. Не только в том, чтобы сидеть с ее ребенком. И в другом тоже. Она считает, что ей это сойдет с рук, потому что она занимает высокое положение. Потому что она женщина и привлекает к себе много внимания.

– Вы знакомы с профессором Фишер? Как я понимаю, вы работаете над другой темой? Английский, да?

Девушка хлопает глазами:

– Да. И нет, я с ней незнакома. Но я ее видела, естественно. В колледже. Трудно не увидеть.

Сами слова подразумевают горечь, но тон у Хьюз на удивление бесстрастный, а тело не выдает никаких эмоций. Она

просто сидит на скамье, сложив руки на коленях.

– В пятницу вечером, когда вы виделись с Калебом, что он вам сказал?

– Он сказал, что она приставала к нему. Что он ответил «нет», а она не обратила на это внимания.

– Вы не знаете, рассказывал ли он об этом кому-то еще?

Она ерзает:

– Он рассказал матери.

Эв записывает:

– Он сделал это при вас, когда был здесь?

Она кивает:

– Я настояла. И она согласилась со мной – все это так оставлять нельзя.

Эв секунду внимательно смотрит на нее. Трудно поверить, чтобы этой девицей двигало что-то еще, кроме зависти к Фишер: к ее положению, к ее известности, к ее абсолютной власти. Можно добавить сюда щедрую порцию ревности и всего прочего.

Однако это не означает, что она говорит неправду.

* * *

На пути из Саутгемптона есть точка, на которой Сомер начинает чувствовать себя почти дома. Подъем над Риджуэйской дорогой, легкое изменение в ландшафте, которое обозначает плавный спуск к Оксфорду. С тех пор как Сомер

стала встречаться с Джайлсом, она десятки раз ездила этим маршрутом, и этот момент, как и пейзаж, всегда разделял два направления. Назад, к тоске по нему; и вперед, к работе и всему, что есть ценного в ее собственной жизни. Сегодня впервые она смотрит только в одном направлении. Она не собирается думать о том, что осталось позади.

Проезжая съезд на Комптон и Ист-Айли, Сомер чуть крепче сжимает руль и давит на педаль газа.

* * *

Черт, только что приходила полиция

Дерьмо

Что они сказали?

Спрашивали о Калебе. И об этой суке Ф

О том, что она делала с ним

И всё?

Больше ничего?

Да. М.б. я зря дергаюсь. Если бы они что-нибудь знали они бы сказали

Ты все еще хочешь продолжать?

Ага, у нас все получается

Как я сказала, я просто дергаюсь

Они точно не смогли бы что-то узнать

* * *

Адам Фаули
8 июля 2018 года
10:20

Алекс все еще спала, когда я уезжал в тренажерку, и я решил ее не будить. Важнее, чтобы она больше отдыхала, чем чтобы я демонстрировал свою заботу приготовлением завтрака. Но на пути из тренажерки я все же покупаю два капучино и парочку круассанов с миндалем в ее любимой кофейне. Хотя потом выясняется, что я зря потерял время.

Первое, что я замечаю, когда открываю дверь, – запах кофе; второе – звук голосов. Причем не по радио. Кто-то пришел.

Я бросаю ключи на столик в прихожей, а сумку на пол и иду в заднюю часть дома. Алекс, одетая в мою старую футболку, сидит за кухонным столом. Она без косметики, ее волосы собраны в пучок, перед ней стоит миска с детской кашей, которая в последнее время превратилась в ее любимое блюдо. Я подшучиваю над ней из-за этой каши; она же лукаво смотрит на меня и говорит, что я должен благодарить свою счастливую звезду за то, что это блюдо такое диетическое (и ведь в ее словах есть резон: с Джейком была копченая рыба).

Напротив нее, обхватив руками мою кружку с надписью «Мистер Совершенство» (да, это шутка), сидит женщина. Я видел ее раньше. Эмма, фамилию не помню. Много лет назад она училась в том же колледже, что и Алекс, а вот подобрать слово, чтобы описать их отношения сейчас, трудно: они не подруги, но и не просто знакомые. Эмма работает в службе опеки и усыновления при муниципалитете. В прошлом году, когда строители нашли травмированную молодую женщину с полуторагодовалым малышом в одном из запертых подвалов, именно Эмма организовала, чтобы мы с Алекс приютили малыша на несколько недель[34]. Чтобы вы не думали, что я действительно мистер Совершенство, должен сказать, что это было вопреки моему желанию и, подозреваю, вопреки желанию Эммы, только мы это никогда не обсуждали. Идея принадлежала Алекс, а она настойчива и умеет быть убедительной. Если вы слышали о той истории с маленьким мальчиком и вам интересно, что с ним случилось, знайте: с Брэндоном все хорошо. Он под долгосрочной опекой в одной семье, и приемные родители надеются усыновить его. Меня это дело больше не касается, но я слежу за новостями. Не должен, но слежу.

– Адам, помнишь Эмму?

Мы немного неловко улыбаемся друг другу. Я вдруг соображаю, что не принял душ после тренировки, и даже моя собственная жена не согласилась бы в настоящий момент об-

---

[34] Об этом рассказывается в романе К. Хантер «Скрытые в темноте».

ниматься со мной. Поэтому просто стою, стараясь не выглядеть болваном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.